

ЕВГЕНИЯ
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Сказки Лунных дней

ПЕРВАЯ КНИГА

Не в этом мире

Евгения Преображенская
Сказки лунных дней. Часть I

«Автор»

2024

Преображенская Е.

Сказки лунных дней. Часть I / Е. Преображенская — «Автор»,
2024 — (Не в этом мире)

Дженна спешит в Сию, чтобы воссоединиться с любовью всей своей жизни, но за ней следует враг. Задумав укрыться от него вблизи Чёрного солнца, чародейка нарушает законы времени и попадает в далёкое прошлое мира. Здесь Дженне предстоит узнать изнутри историю проклятого королевства Агару, найти феникса - хранительницу Джаэруба, собрать семена великих древ и открыть новые врата, чтобы вернуться к Сайрону. Это фэнтези для взрослых, которым нужна сказка. Это история о человеке, который должен перешагнуть пределы человеческого. Он будет там, где должен быть. И демон власти станет его другом. Дилогия "Сказки" - это третья история фэнтези-цикла "Не в этом мире". Первая: трилогия "Проклятие чёрного единорога". Вторая: дилогия "Осколки сфер".

© Преображенская Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Первая картина	5
Пролог	7
1 Последняя сказка царя	9
2 Золотой олень	23
3 Семя Удачи Хазаон	31
4 Охотница Вольга и царица Луна	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгения Преображенская

Сказки лунных дней. Часть I

Первая картина

Семена великого древа

Интерлюдия

– ...Устраивайтесь поудобнее, дорогие мои. Накрывайтесь одеялами, ротики на замок – и слушайте! Вымысел или правда – судить не нам; случилась эта история далеко отсюда – за двумя солёными морями и одним пустынным. В королевстве Джаэруб, где солнце днём светит даже жарче, чем в Стране вечного лета, а ночи порой так же холодны, как к северу от белоснежных вершин Аркха. Там, где и поныне соединяются воды Ахмеруна и Гореша, омывая Южный материк, уже тысячу лет назад расположился город Алриас, равного которому не было по красоте и величию в те времена.

Легенды гласят, что тысячу лет назад, когда земли Северного материка были раздроблены на многочисленные полисы и именовались в честь изначальных богов королевствами Семи Ветров и Семи Вод, правил Джаэрубом знаменитый царь царей Тадж Намур Хахим.

Рассказывают, что был он славным правителем, и многие перемены к лучшему принесло его правление. Страна процветала. Налоги платились в срок, законы людские и благие Вада соблюдались исправно. Купола городских дворцов сияли серебром. Поля и сады, разбитые вдоль рек и озёр, радовали своим плодородием.

Жители королевства были сыты и защищены от враждебных соседей. Однако из-за жгучего дневного солнца прятали люди свои лица за тонкими вуалями, и частенько сосед не узнавал соседа. Также таили они друг от друга свои сердца и помыслы, открываясь лишь с наступлением сумерек и восходом полной луны...

В одну из таких светлых ночей и случилось большое несчастье с царём царей Тадж Намур Хахимом. Безумие охватило его разум. Впрочем, не о только нём мой рассказ... В первую из двенадцати ночей полнолуния и начинается наша сказка о Махаан – дочери иноземного посла. Смелая девушка спасла владыку Джаэруба и многие жизни благодаря своему уму, находчивости и, конечно же, красоте...

– Махаан – легендарная правительница Алриаса, – вставила старшая из девочек. Она уже достигла школьного возраста, и история древних королевств была её любимым предметом. – Мои наставники спорят, звали её Махаан или иначе. Жила ли на самом деле царица, изменившая судьбу женщин в древнем мире. Или она лишь символ свободы... – девочка восторженно распахнула глаза. – Так значит, твоя сказка может быть правдой?

– Всё может быть, моя дорогая, моя умная Айшара, – кивнул отец. – Я придерживаюсь мнения, что Махаан, возможно, и носила иное имя, но была одной из величайших правительниц и реформаторов Джаэруба.

– ...Как наша матушка – величайшая правительница Энсолорадо! – важно возвестил их младший брат.

– Несомненно, мой маленький отважный Рэй... – улыбнулся ему мужчина, проведя ладонью по чёрным кудрям мальчика.

Дочери, особенно старшая, Айшара, отличались мирным нравом отца и любовью к книгам, а вот Рэй – будущий наследник престола – характером пошёл в свою матушку. Он любил её безумно и во всех самых выдающихся героях сказок видел лишь свою королеву Охотницу.

– ...Папочка, так что же случилось в одну из ночей полнолуния? – нетерпеливо напомнила Зои, средняя дочь.

Алем Дешер оторвал взгляд от страниц книги и поднял глаза к окну. Створки были распахнуты, и вечерний ветерок играл занавесями. Лёгкая ткань, казалось, танцевала в широком проёме. Переливаясь в свете полной луны, она напоминала то серебро, которым блистали купола дворцов на его далёкой Родине.

– Вы должны знать, что с давних времён и поныне ночное светило считается в Джаэрубе главным божеством... – произнёс отец семейства. – Культ лунного бога Азрэка процветает наравне с верой в Единого. В ночи полнолуния, что так светлы и прекрасны, не принято спать. А называют их *лунными днями*...

Трое королевских отпрысков одновременно издали вздох, полный потаённой детской зависти. Они бы с радостью отказались от сна, предпочтя ему ночные догонялки по коридорам дворца.

– Двенадцать лунных дней было у девы Махаан, чтобы вызволить его разум из пучины безумия, – таинственным голосом продолжил мужчина. – Двенадцать лунных дней и триста пятьдесят ночей рассказывала она ему сказки, чтобы уберечь от смерти как себя, так и других девушек...

Пролог

Опасные желания

Ночь выдалась холодной, и створки широких окон были плотно закрыты. Однако сквозняк, пробравшийся в царскую опочивальню, словно змея скользил по полу, тревожа покой занавесей и ковёр из нежных лепестков дикой розы. Сотни огней в сотнях светильников трепетали вдоль стен спальни и вокруг королевского ложа.

У изголовья постели в серебряной подставке, украшенной камнями, покоился топор. Это был самый обыкновенный топор лесоруба с простой и тяжёлой бронзовой головой. Хотя лезвие было отполировано и заточено, кожаные ленты, схватившие рукоять, истёрлись и задубели от пота.

Всё убранство комнаты было выполнено из серебра, малахита и бирюзы. И только ложе утопало в кроваво-алых складках атласа. Сиятельный Хаким полулежал на покрывалах и мягких подушках, словно в море крови. Только аромат роз, разносившийся по спальне, мог заглушить запах смерти, что тайно поселился здесь с тех пор, как обуреваемый ревностью царь начал убивать своих молодых жён после первой же брачной ночи.

Много месяцев подряд здесь проливалось море крови. Когда-то... Сегодня огонь, терзавший душу правителя, поутих. Царь Хаким с нежностью взирал на свою юную жену, чья красота могла сравниться с божественной.

Свадебный наряд обнимал её белое, как калосский мрамор, тело подобно лунному свету. На девичьих грудях пели вышитые серебряной нитью сказочные птицы с зелёными глазами и синими лапками, бедра заслоняли тканые деревья, в чьих кронах сияли рубины. Открытый живот, плечи и шею обвивали нити жемчуга и опалов. На щиколотках мелодично позвякивали золотые кандалы...

Повелитель жаждал свою жену, но мысль о том, что в конце их соития придётся лишиться прекрасную деву жизни, всякий раз охлаждала его страсть. Поэтому из ночи в ночь царь наслаждался лишь созерцанием её тонкого стана, удивительных глаз цвета чёрного жемчуга, волнами длинных и нежных, как шёлк, волос и алыми губами.

– ...Дошло до меня, о великий царь, что жил в давние времена один дровосек, —начала красавица.

– ...Дровосек? – перебив её, усмехнулся Хаким. – А знаешь ли ты, что мой предок был дровосеком?

– О нет, Ваше Величество, – опустила ресницы девушка. – Я лишь желаю рассказать сказку...

– Но никто не знает *моих* желаний, – царь качнул головой. – О прелестная Махаан, все мои жёны рассказывали сказки... Они сплетали их подобно тому, как степные пауки плетут свои сети в травах Поющих ветров... Это были сказки царского гарема, где все желают смерти друг другу. Я стал их джинном, я исполнил желания, убив всех до последней, да пропадут их нечестивые души в бездне Каальбир, – мужчина недобро усмехнулся. – Ты осталась одна... Твои сказки иные... Ты поведала мне так много историй о царях и нищих, о мудрецах и обманщиках...

– Ноша Ваша велика, мой супруг, – вздохнула девушка. – Я счастлива, если мои истории могут облегчить её...

– Хочешь облегчить мою ношу? – жёстко произнёс Хаким. – Что ж... я много размышлял о нашем с тобой браке... Двенадцать лунных дней и триста пятьдесят ночей прошло со дня нашей свадьбы... Я решил, что достаточно слушал тебя... – Царь замолчал, наблюдая, как затрепетали тонкие ноздри девушки, как всколыхнулись на её груди складки шёлка, расши-

тые птицами. О, даже птицы в королевских садах не были свободны. Не говоря уже о царе и его супруге. – Сегодня, милая моя Махаан, я доверю тебе страшный секрет, который гложет меня... Я расскажу тебе свою сказку...

Хаким резко рассмеялся. В этот миг один из перстней, которые унизывали его пальцы, вспыхнул ядовитой зеленью. Во взгляде царя мелькнул огонёк безумия.

– Как Вам будет угодно, любовь моя, – улыбнулась Махаан, смело подняв на него глаза.

– Итак, – мужчина поднялся со своего ложа и, сделав несколько шагов по комнате, остановился подле окна. – Жил не так уж давно один дровосек. Был он беден и зарабатывал на пропитание тяжёлым трудом. Однажды, блуждая по диким лесам, увидел он холм, какого не было в том месте никогда раньше. На холме лежал валун с кольцом, и был тот валун – дверью в пещеру, где хранились бесчисленные сокровища: драгоценные камни размером с куриное яйцо, кубки и лампы, венцы и оружие, монеты – луны и чини, – царь обернулся к молодой жене, понизив голос. – Однако среди серебра и золота белели человечески кости, ибо пещера та была смертельной ловушкой! Всякий, кто проникал в неё, уже не мог выбраться на белый свет, и блеск проклятого металла заменял ему священное сияние Азрэка...

– О мой повелитель! – воскликнула удивлённая Махаан. – Но как же спасся дровосек?

– С помощью волшебства, – не оборачиваясь, ответил Хаким. – Да будет тебе известно, что в пещере обитал дух великой силы, могущественный и коварный... Дровосек выбрался из одной ямы, полной драгоценностей, да угодил в другую, кишашую змеями. О, если бы он знал тогда, что ждёт наш род после того, как он загадает своё желание...

1 Последняя сказка царя

Первая часть

Джинн

Жгучее дневное светило – воплощённый гнев пламенного бога Наэрана – медленно клонилось к горизонту. Затухал источаемый им жар. И морской ветер, подчиняющийся владыке Луны, уже нёс прохладу на своих крыльях.

Вездесущие кошачьи мартышки с полосатыми хвостами – слуги бога Солнца, царствующие в городе в дневное время – скакали по крышам домов и по заборам. Покрикнув, они спешили убраться прочь в свои полудикие уголья на окраинах столицы. С наступлением вечера на главных площадях и улицах Алриаса становилось всё более многолюдно.

Вдоль несокрушимых стен королевского замка маршировала стража, одетая в медные панцири с рисунком птичьих перьев и вооружённая кривыми саблями; лениво шествовали подгоняемые всадниками слоны. От городских ворот к базарам топали гружёные тюками верблюды и мулы. Торговцы выкрикивали покупателей. Беспризорники воровали, нищие попрошайничали. Господа шли по важным делам, пряча свои лица за тонкими вуалями.

Узорчатые кафтаны, шаровары и высокие остроконечные, словно купола лунных храмов, шапки богачей были вышиты жемчугом и серебряными нитями. Чем состоятельнее был человек, тем более высокую и богато украшенную шапку он мог себе позволить. Люди попроще носили войлочные колпаки, их дети – обручи из свёрнутой ткани. Даже слонам, мулам и верблюдам полагались небольшие плоские шапочки.

Не покрывали головы и не прятали лица лишь крысы, бродячие собаки, мартышки да рабы. В этот вечер несчастный дровосек Малик был не лучше них. Он потерял свою войлочную шапку в драке со стражей... со стражей своего родного брата.

Прошедшие ночи выдались довольно тёплыми, в дровах нужды было мало, и на базаре дровосека постигла неудача. Тогда он направил свои стопы к порогу Бабея, чтобы попытаться продать тому свой товар или хотя бы взять взаймы пару медных лун... Но увы, старший брат даже не захотел взглянуть на родственника. Он приказал охранникам выставить вон «обманщика и попрошайку».

И теперь поколоченный, потерявший шапку, униженный Малик сидел со всем своим товаром на мостовой и не мог пошевелиться от горя. Утром он обещал купить фиников своим дочерям, но теперь у него не было денег даже на кусок чёрствого хлеба. Малик воображал, как придёт ни с чем домой, в своё маленькое тёмное жилище, которое его жена и три дочери делили с козой и двумя курами.

Ослеплённый несчастьем, Малик не обратил внимания, что уселся напротив входа в кофейню. Вскоре манящий терпкий запах чёрного напитка разогнал его грустные думы. Мужчину немного приободрился и поднял глаза – в то самое время, когда кулак очередного стражника направился к его и без того покалеченному хребту.

– А ну убирайся отсюда, грязный раб! – визгливым голосом прокомментировал удар хозяин кофейни. – Как смеешь ты своей обезьяньей мордой портить настроение моим благородным посетителям?!

– Да что ты такое говоришь, почтенный Шару? – простонал Малик. – Ты же знаешь меня! В хорошие дни я не раз заходил к тебе испить кофе и постучать фишками по доске! Да, сегодня беда настигла меня, но это же я...

Не успел Малик напомнить хозяину своего имени, как вновь схлопотал удар. Вся его бедная спина уже была покрыта пыльными следами сапог, а голова – шишками. Теперь ему

точно не помешала бы шапка, прикрыть этот страшный для всякого мужчины позор. Тем временем хозяин кофейни бранился и сам не лучше раба, но кого это волновало?

– А ну постойте! – высокий властный голос заставил всех замолчать. – Уважаемые, я проделал долгий и опасный путь, чтобы достичь Алриаса, и желал бы спокойно выпить кофе, а не глядеть, как избивают безоружных людей...

Вновь рискнув поднять глаза, Малик увидел над собой светлогожего юношу. На нём были скромные одежды странника: подпоясанный кафтан из плотной шерсти, свободные шаровары и высокие сапоги. Волосы скрывал обмотанный вокруг головы выгоревший на солнце пурпурный платок. Осанка и повелительный взгляд бледно-зелёных, как калосский нефрит, очей юноши говорили о знатном происхождении.

Не меньшее почтение внушал и его спутник, во всём противоположный своему господину: темнокожий, могучий и безволосый, как пустынные вершины Басилиона. В отличие от юноши он не носил ни сапог, ни головного убора; по-видимому, был рабом.

Стражники, тоже приметившие силача, положили руки на рукояти клинков, однако от Малика отступили. Хозяин же кофейни, обративший внимание на увесистый кожаный кошелек, висящий на поясе незнакомца, напротив, сделал шаг вперёд.

– Прости, благородный господин, – в три погибели склонился он. – Ошибся я, каюсь... Это и впрямь старый мой знакомый – дровосек Малик... Извиняй меня, Малик, да будут милостивы к нам ночные дети Шама...

– Ну, раз знакомый, и ошибся, так угости нас кофе, добрый человек, – скривил тонкие губы юноша. – Пойдём со мной, Малик, – он протянул дровосеку свою руку, облачённую в тонкую перчатку, и помог подняться. – Расскажешь мне об этом городе и что с тобой приключилось.

– ...Благодарю тебя за милость, почтенный, – вздохнул Малик, сидя со сложенными ногами за низким столиком.

Он уже многое поведал двум странникам, которые предпочли не называть имён, но живо интересовались его городом. Нужно упомянуть, что Малик окончил школу. Он любил книги, особенно поэзию, и был человеком достаточно образованным. У лесоруба имелось и своё мнение на происходящее в Алриасе.

Поглядывая на развевающиеся над сторожевыми башнями флаги с эмблемой полной луны на звёздном полотне неба, Малик рассказывал гостям столицы, что джаэрубцы давно забыли о покое. Кажущееся процветание могло закончиться в любой момент, ведь страну давно сотрясали копыта вражеских лошадей.

Племена кочевников, живущие на юге степей Поющих ветров, в последние годы осмелели настолько, что стали нападать на деревни вблизи столицы. Ходили слухи, что их вожак, называющий себя имаром, даже намеревался занять трон царя царей, а его лазутчики давно наводнили город...

В общем, Малику было о чём поговорить. Беседа лилась легко, словно были собеседники давними друзьями. Однако лесоруб до сих пор боялся смотреть в непривычно тонкое, будто девичье лицо юноши и всё глядел на чёрную жидкость в своей чашечке.

Судя по аромату, толстый Шару сегодня лично обжарил зёрна, желая завоевать уважение нового клиента. Но, хотя вкус кофе был бесподобен, юноша, сделав глоточек, слегка наморщил нос. Будто горечь от рассказа дровосека передалась и напитку.

– Так что же за беда настигла тебя? – спросил он, обратив на дровосека полный сочувствия, но оттого не менее холодный взгляд.

– История эта не стоит того, чтобы гордиться, и всё-таки я обещал её рассказать, – вздохнул Малик. – Должен я тебе сообщить, добрый путник, что раньше я был состоятельным человеком. Дед мой Дешер сын Дешера был Хранителем знаний в Главной алриасской библиотеке,

а отец мой Хазим сын Дешера слыл на весь Алриас как талантливый резчик по дереву. Он делал изделия на заказ и водил дружбу с советниками короля, вот как. Брат мой Бабей сын Хазима считал деньги, а я, скромный сын своего отца и внук своего деда, продавал товар. Жили мы со своими семьями в больших домах, где часто бывали гости. Во всём мы были честны: исправно платили налоги царские и небесные, отдавая часть своего хлеба беднякам. Одновременно мы с братом женились. Одновременно родились у нас дети... Да только у Бабей это были мальчишки, а у меня... девочки.

– И что же из того? – брови юноши приподнялись в лёгком недоумении.

– А то, что отцы, не родившие наследников, не имеют и права на наследство своего рода, – еле слышно прошептал Малик. – И вот, когда пришло время нашему отцу встретиться со звёздными детьми Шама, Бабей забрал себе и его лавку, и дом... Он всегда знал, как преумножить богатства, и вскоре сделался почти как царь. Сегодня его жёны – одна прекрасней другой, а живёт он в настоящем дворце. Мне же пришлось продать свой дом, чтобы прокормить семью. Вскоре я совсем забросил торговлю и пошёл в дровосеки...

– А что если ты родишь наследника? – поинтересовался силач. – Ты же ещё можешь это сделать!

– Брат сказал, что попридержит мою долю наследства у себя, и, если великий Азрэк смилостивится надо мной и подарит мне сына, он отдаст причитающееся, но...

– Но?

– Наверяд ли это случится. Сегодня я не смог продать добытые в лесах дрова и решил, что могу предложить их брату. Ведь и во дворце нужны дрова для готовки! Однако Бабей даже не позволил приблизиться к нему. Меня поколотили и прогнали его стражники.

– Клянусь Миркиром, это не по-братски, – пробасил силач.

– И даже на моей богами забытой родине к дочерям человечим относятся более уважительно, – с грустью согласился его господин.

– Быть отцом дочерей в нашей стране – большая боль... – еле слышно добавил дровосек.

– Мы там, где мы должны быть, как бы ни казались тяжелы пути провидения, – задумчиво заметил юноша. – Признаюсь, я не понимаю ваших законов, но судьба привела меня в Джаэруб и свела нас неспроста... Я куплю твои дрова. Всё, что есть.

– О, господин, милосердие твоё не знает границ! – радостно воскликнул Малик.

– Будь добр, протяни мне свою руку... – попросил юноша.

«...Уж не воплощённый ли светлоликий Азрэк это был?» – думал про себя Малик, спеша домой к семье.

Он не раз слышал сказки о том, как боги принимают порой человеческое обличие и нисходят к людям, чтобы проверить их или преподать урок. Несомненно, таинственный юноша не был стеснён в средствах. Попросив хозяина кофейни угостить их своим прекрасным напитком, он желал испытать того. Старый Шару проявил благородство, за что был вознаграждён двойной оплатой.

А сам Малик в обмен на свои дрова получил небольшой тканый мешочек. Вещица выглядела невзрачно, однако, когда дровосек запускал в неё два пальца, то всякий раз находил там драгоценный камень. Вначале это был тот самый калосский нефрит, о котором он вспоминал, глядя в глаза своему благодетелю. Затем – россыпь морского жемчуга. В третий раз – мерцающий лунным светом опал размером с яйцо перепёлки.

Уже стемнело, но жизнь в городе бурлила и кипела. Лавочники зазывали отдохнувших за день богатых покупателей. Малолетние воришки высматривали собственных клиентов.

На небе воссиял светлый лик Азрэка. Из главных храмов доносились женские голоса, прославляющие своего вечного создателя и одновременно наречённого. Жрицы бога луны никогда не показывали своих ликов, но их прекрасные голоса могли услышать все желающие.

Продав знакомому ювелиру несколько жемчужин, Малик ощутил себя богачом. Однако он был мужем рассудительным, поэтому с покупкой дворца спешить не стал. Вместо этого Малик приобрёл на базаре трёх крепких мулов, два бронзовых топора с рукоятью, обмотанной тонкой кожей, новые сандалии и отрезы красивейшей ткани на платья жене и дочерям. Потом он взял у мясника парной баранины. Купил риса, масла, молока, свежих фруктов и всяких лакомств.

По дороге к дому Малик раздал беспризорникам конфеты. Своей семье дровосек рассказал всё как было, без утайки: и о злобном Бабее, и о Шару, и о двух безымянных путниках. Жена поддержала решение мужа продолжать трудиться, а дочери пришли в полный восторг от подарков.

Следующим же утром Малик наточил топоры, надел новые сандалии, взял своих мулов и отправился в леса Эльхайби. Так он поступал день за днём. В жаркое время дровосек искал в тенистых джунглях редкие и дорогие породы деревьев, а вечером продавал их краснодеревщикам.

С каждым днём Малик всё дальше забирался в леса, а волшебный кошелёк неизменно брал с собой. Очень скоро он осмелел настолько, что начал уходить за озёра Шама.

Считалось, что земные отражения звёзд – ночных детей Азрэка – охраняют Алриас от разбойников, нечисти и свирепых диких зверей, поэтому за озёра уходили только самые смелые охотники. Впрочем, зная это, несчастный Малик даже не догадывался, какие опасности его подстерегают...

В день пятый от убывания луны дровосек особенно далеко забрался в джунгли – и вдруг почувствовал жжение за пазухой. Вытащив кошелёк, он запустил в него пальцы и извлёк на свет изумруд. Камень словно огнём горел!

Вдруг всё вокруг Малика поплыло и переменялось. Леса разошлись в стороны, и он оказался на лысом холме. Посреди холма лежал гладкий валун, а в нём было кольцо, точно в крышке погребка.

Прислушался дровосек. Ему показалось, что из-под земли доносится чей-то плач. И был он такой жалобный, будто сдавленно рыдал ребёнок, запертый в погребе. А может, так оно и было? Вдруг некий злодей похитил малыша и заточил его в тайной пещере?

Преисполнившись жалости, Малик нагнулся к камню, взялся обеими руками за кольцо, потянул на себя. Валун оказался на удивление лёгким. Крышка погребка отворилась, и дровосеку открылось невиданное. Проникавшее в подземелье солнце сверкнуло на россыпях серебряных и золотых монет, пробежало по драгоценным камням, кубкам, блюдам, тиарам...

У несчастного Малика голова закружилась от увиденного. Он пошатнулся, оступился и рухнул в зев пещеры. Тут же дверь за ним закрылась, а мужчина оказался в кромешной тьме.

Ужас овладел им. Плач, доносящийся со всех сторон, сделался громче. Уже не казалось Малику, что голос узника имеет что-либо общее с детским. Скорбный звук пронизывал до мурашек, заставляя кости наполняться холодом, а сердце отчаянием.

«Вот и конец мне пришёл, – подумал Малик. – Неужели же я проклят? Даже свалившееся на меня счастье обернулось неудачей! Нет, не светлоликий Азрэк, но пламенный Наэран был тем таинственным юношей! Его проклятое богатство принесло лишь горе... И теперь мои бедные жена и доченьки останутся без своего кормильца...»

Последняя мысль заставила дровосека вспомнить о злобном старшем брате. Ему показалось, что во всех его горестях виноват негодяй Бабей. Ведь были они равны по рождению, но деньги разделили их!

Не на шутку разозлившись, словно сам взбунтовавшийся Наэран, Малик понял, что во что бы то ни стало он должен выбраться из этой пещеры. Мало того, он спасётся, так ещё и богатства с собою прихватит!

И вот уж тогда он купит себе дворец роскошнее, чем у Бабея! Он оденет своих дочерей в такие платья, которых никогда не видел ни Алриас, ни целый мир! Он выберется сам на божий свет! А затем поднимется среди людей и возвеличит свою семью!

Пусть подавятся судьи своими законами! Малик изменит законы! Он покажет дочерям столицу во всём её блеске и, может быть, все остальные города! И пусть хоть одна собака гавкнет в их сторону, его стража позаботится о том, чтобы злые языки были отделены от их владельцев!

Подумав так, Малик вдруг вспомнил, как полыхал изумруд из волшебного кошелья. Он снова извлёк его и бросил перед собой. Яркий свет заплясал по несметным сокровищам, облачая драгоценные металлы и камни в один ядовито-зелёный цвет и разгоняя тени. На душе у дровосека стало поспокойнее. Даже таинственный плач вдруг сменился тихими вздохами.

– Кто ты? Эй! – обратился к нему Малик, озираясь по сторонам. – Человек ты или зверь? Нага, гуль, сила или же... джинн?

* * *

Два путника, по всему видно, чужеземцы, прогуливались по улицам Алриаса. Один – в пурпурном шерстяном кафтане, красном обёрнутом вокруг головы платке и высоких сафьяновых сапогах, был стройный и светловолосый, как эльфы с дальнего Севера. Другой – во всём ему противоположный смуглый силач с грубыми чертами лица и непокрытой лысой головой – был бос и одет только в свободные шаровары цвета чёрной земли.

Ночь опустилась на город, но не тьма и покой. Сияние полной луны заливало небо. Кварталы и площади были наполнены шумной жизнью и щедро освещены тысячами факелов. Знаменитое белое пламя Джаэруба, питаемое смолой священного дерева, отражалось от посеребрённых куполов и играло на рельефных изразцах, покрывающих цветастые фризы дворцов.

Шло второе полнолуние нового года: в такие ночи было принято снимать вуали и отдаваться веселью. Объятая светом Азрэка столица Джаэруба не засыпала до самого утра. На каждой улице разворачивались свои представления. Где-то танцевали и пели, на других – показывали спектакли, на третьих – устраивали бои с участием петухов или карликов.

Зрелища более опасные можно было увидеть на специальных аренах. Здесь, поднимая волны песка, рвали друг друга пустынные длиннохвостые ящеры, сшибались плоскими костяными лбами побережные и дюнные одноглазы. Последние животные отличались поистине свирепым нравом и могли затоптать друг друга до смерти, хотя в обычное время использовались джаэрубцами для пахоты и грузоперевозок.

На других улицах зрители любовались зрелищем менее кровавым, но не менее опасным. Кукольные театры на первый взгляд можно было принять за детское развлечение. Да только все дети сидели с матерями по домам, а на небольших сценах актёры ставили сценки с участием королей и советников, захватчиков и ополченцев, жестоко высмеивая то одних, то других.

Особенную славу имела сценка, повествующая о недавних событиях. Прямо об этом не упоминалось, но все присутствующие ясно понимали, о чём идёт речь. Степные племена разбойников, которых было немало, – кто-то насчитал аж сорок племён, – встретились с королевской армией у озёр Шамо. Но вместо того, чтобы вести в бой своих солдат, некий, разумеется, безымянный владыка некой никому не ведомой страны, напился для храбрости вина да и уснул на пороге своего замка.

Юные безбородые и пожилые алриасцы с длинными, как у гномов, но более жидкими усами хохотали над этой сценой так, что могли, пожалуй, и надорвать себе пуза. Хотя надо отметить, что этот народ не был расположен к полноте.

Джаэрубцы отличались необыкновенным сочетанием светлых глаз со смуглой бронзовой кожей и поджарыми, будто высушенными на жарком солнце телами. Большие животы у них встречались крайне редко. И пузатая кукла, изображающая царя Алриаса, вызывала у зрителей особенное неодобрение.

– Говорят, Тадж сын Намура погряз в пьянстве и обжорстве, – несло по толпе. – Рассказывают, будто работоторговцы из Добура – частые гости в его палатах...

– Говорят, казна пуста, и нечем платить даже кухаркам, не то что солдатам... Рассказывают, что беда уже на пороге, племена кочевников объединились и идут на Алриас...

– Говорят, у их имара боевых слонов больше, чем у царя царей... Рассказывают, будто он умеет заклинать зверей, ему подчиняются даже сами марида и ифриты!

– Говорят, имар кормит их овцами...

– Рассказывают, что овцами имар называет алриасцев...

Второй по популярности спектакль повествовал о событиях на Северном материке. Небольшая сцена под него была обтянута красными, словно кровь, лоскутами. В крови и бутфорском огне гибли люди, деревни, целые города царства Семи Ветров.

Между тем король Севера был изображён в виде хилого старикашки с книгой в руке. Артисты, дергая за ниточки марионеток, высмеивали правителя, который желал объединить страну, разрушив её до основания.

И всё это время над сценой парил золотой, как и его пламя, дракон – предостережение алриасцам, символ власти и обмана.

– Кровавое десятилетие, – устало вздыхали старики. – К чему столько жестокости?

– Разве можно иначе победить жадных князьков и сплотить королевства в одно? – восклицали юные и горячие зрители.

– Простой народ первым гибнет в войне, – отвечали седобородые алриасцы. – Не прав проклятый дракон и его презренный раб-король!

– Рабы – те, кто не желают свободы! – отвечали юнцы. – Люди Семи Ветров пошли за королём и его жрецом Ойуром Солом! Только эльфы сопротивляются. Как и вы, старики, они слишком привязаны к прошлому!

– ... Не нравятся мне эти разговорчики, – обратился силач к своему светловолосому спутнику. – Назревает война. Нельзя здесь задерживаться...

– Тебе ли переживать из-за войны? – усмехнулся юноша. – Мой первый наставник учил, что разговорчики могут быть очень информативными...

– Я переживаю, что твой сбор информации может подзатянуться, – поморщился силач.

– Мы там, где должны быть... Мы там, где нужны, – философски заметил юноша. – Нужно довериться судьбе...

Покинув квартал артистов, путники оказались на Купеческой улице. Как и везде, здесь было шумно, раздавались крики, смех, музыка. Лавочники и разносчики громко нараспев похвалялись своими лучшими товарами. В воздухе мешались ароматы благовоний, которыми алриасцы маслили волосы, витали пряные запахи печёного мяса и хлеба, орехово-медовых сладостей, кофе и тягучий привкус бражных напитков.

– Алриас напоминает мне Умбелико в сезон Расцвета, – одобрительно произнёс силач, втянув ноздрями ароматный воздух.

Следуя чуть впереди, он освобождал дорогу своему более хрупкому спутнику, то и дело — и явно не случайно – задевая широкими плечами какого-нибудь замешкавшегося горожанина.

– ... Любовью к своему правителю, я полагаю? – усмехнулся юноша, виновато улыбнувшись очередному сбитому алриасцу. – Простите, он нечаянно...

– Тебе обязательно всё время извиняться и кому-нибудь помогать? – раздражённо фыркнул мужчина.

– Это называется быть человеком, – ответил юноша, бросив монетку нищему.

– Благодарю тебя, добрый господин, – ответил тот скрипучим старческим голосом. – Не спеши пройти мимо, позволь мне отработать эти деньги...

– Да что ты можешь ему дать? – усмехнулся мужчина.

– Знание, – протянул старик, устремив свои выцветшие глаза на юношу. – Хочешь, я расскажу тебе сказку?

– Я люблю сказки, – согласился светловолосый странник.

Он присел на колени. Силач же застыл над ним, возмущённо сложив руки на груди.

– В те времена, когда женщинам ещё позволялось выходить из дома, жила-была в городе дева удивительной красоты по имени Раама, – начал старик. – Однажды шла она с базара, купив лепёшки для своей семьи, и увидела, что тянет к ней руки нищий... Вот такой же, как я. «Прошу, дай мне хлеба», – сказал он. «Но как же я могу? – опечалилась дева Раама. – Ведь царь велел отрубить руки всем, кто подаёт милостыню...» И всё же она отдала старику две лепёшки. Вот как ты дал мне монетку. Но царь, всё-таки прознав об этом, отрубил Рааме обе её руки.

Прошло некоторое время, и вот пришла пора царю жениться. Обратился он тогда к своей матушке с просьбой отыскать для него подходящую супругу. И так уж вышло, что матушка царя не знала добрее и красивее девы, чем была Раама.

Царь часто входил в покои Раамы, и вскоре она родила ему наследника. Мальчик был так хорош, что остальные жёны царя возненавидели Рааму. Они оклеветали её перед супругом, и тот велел сослать Рааму вместе с её грудным сыном в пустыню Наэрана. И вот оказалась молодая мать одна среди песков, а ребёнок висел у неё на шее.

Долго шла она, притомилась, и вдруг поднялись перед ней горы. У их подножия раскинулся зелёный оазис, а посреди – небольшое озеро. Наклонилась Раама напиться, а ребёнок выскользнул из пелёнок, упал прямо в воду и начал тонуть.

Однако в это время проходили мимо два путника. Увидев безутешно рыдающую женщину, они спросили, в чём её горе. Раама им всё и рассказала. Тогда спросил один из путников: «Хочешь ли, чтобы мы спасли твоего сына?» Конечно же, Раама хотела этого. И вот ребёнок снова оказался перед ней, живой и невредимый. Тогда спросил второй путник: «Хочешь ли ты, чтобы у тебя снова были руки?» Раама кивнула. И тут же выросли у неё руки ещё сильнее и красивее, чем были прежде. Принялась женщина благодарить странников. И снова спросили они её, знает ли Раама, кто они?

– И кем же они оказались? – пристально поглядел на нищего силач.

– «Мы – две лепёшки, которые ты отдала когда-то бедному нищему», – ответили странники... – улыбнулся беззубым ртом старик-рассказчик. – Слава Азрэку! Помогай ближнему своему, и да воздастся тебе...

– А хочешь, я расскажу тебе свою сказку? – прервал его мужчина, слегка оскалившись. – О том, как одна колдунья помогла озёрной русалке поменять хвост на ноги? И чем это всё закончилось?..

– ...Слава Азрэку, – быстро улыбнулся юноша, подхватывая под руку своего разъярившегося слугу. – Благодарю тебя за сказку, добрый человек. Прости, но мы очень спешим...

– В чём дело? – приглушённо рыкнул силач, покорно следуя за спутником. – Не хочешь вспоминать, чем обернулась твоя помощь?

– Хм... Теоретически вам «помог» не я, – пожал плечами юноша. – Ну а в случае с дровосеком... Мы же просто купили дрова у несчастного человека. Что плохого может случиться?

– ...Ты отдал ему за стопку поленьев камни, на которые можно купить королевский дворец! – мысленно продолжил разговор мужчина.

– Дровосек Малик – небольшой человек, но душа его сильна и полна благородства, – так же мысленно ответил юноша. – Во дворцах должны жить такие как он, а не пьяницы, самодуры и изверги. Честные и трудолюбивые люди должны управлять народом. Тогда, глядишь, и царство обретёт силу.

– И сколько же веков ты царствовал, чтобы прийти к подобному выводу? – расхохотался собеседник. – Сколько книг об управлении народом прочитал? Сколько миров изучил? Молчишь? Тогда я расскажу тебе... Ты за своими учёными книгами и законами об энергиях,

ты за своей ненавистью к императорской власти и свободолюбием забываешь, что таких умников, как ты, и благородных душ, как Малик, – по пальцам пересчитать! В своей массе люди невежественны, а желания их примитивны. Я согласен, что из Джилли вышла хорошая правительница, но рядом с таким человеком, как она, должен быть тот, кто готов развязать войну и пожертвовать людьми...

– Аликс...

– Конечно, Аликс...

– Тебе не обидно, что он, а не ты? – усмехнулся юноша.

– Я лишь страж царской власти, я никогда не принимал решений... – без тени смеха ответил мужчина. — Но... конечно же, мне обидно!

– Что ж, пожалуй, я соглашусь с тобой, – кивнул юноша. — Джиллия слишком добра, чтобы править в одиночку. Их союз с Аликсом – успешный баланс сил... Но это не меняет моего мнения о Малике, – он задумался. – Кстати, забавно... Дед Малика Дешер служил Хранителем знаний. А я, представь себе, когда-то знал Хранителя знаний по имени Дешер, и был он родом из Джаэруба. Вот так совпадение...

– Тебе, конечно, виднее, кто заслуживает управлять народом, а кто нет... – ядовито прокомментировал силач.

Со стороны нельзя было догадаться, что между путниками продолжается некий разговор. Напротив, складывалось ощущение, что оба порядочно утомились от вынужденного общества. Они не смотрели друг на друга и безучастно взирали по сторонам.

– Чего ты боишься, бывший владыка? – Юноша замер у прилавка с изделиями из дерева. – Что я поспособствую очередной революции, стану виновником *de valeo*¹ серебра?

– ...Я боюсь, что в одной из здешних пещер ты бросил обезумевшую Тринадцатую, – мужчина замер за спиной хозяина, безразлично глядя на большие и маленькие сундуки, ширмы и оконные ставни, украшенные удивительной резьбой.

Умельцам Джаэруба плохо удавалось изображение людей, зато стилизованные растительные и животные орнаменты они сплетали с непревзойдённым мастерством. Вырезанные из дерева львы, леопарды, газели, птицы и волшебные создания свивались со стеблями трав, бутонами роз, ирисов и лозами вьюнов.

Юноша обратил свой взор на небольшие резные шкатулочки. Заметив искренний интерес клиента, к нему в тот же миг подскочил продавец.

– Это домики для сверчков, – объяснил усатый мужчина в шапочке и нарядном халате, какие носили некоторые купцы. – Сверчки могут драться друг с другом, а могут наполнить ваш дом уютом. Их пение привлекает в жизнь счастье и благополучие, защищает новорождённых детей от смерти...

– ...Никогда не задумывался, что орнаменты напоминают рисунки витали, – обратился к своему спутнику юноша, подняв над головой одну из шкатулок и рассматривая её на просвет. – Погляди, огонь наполняет этот сосуд, точно сияние Единого наполняет наши тела или ауры заклятий, даруя силу, которую маг наделяет теми или иными свойствами, сплетая слова, линии на песке или движения в танце. Поразительно, эти шкатулочки трансформируют не только свет, но и пение сверчков! Словно бы не ремесленники, а маги создали их... да и весь Алриас, изукрашенный дивными орнаментами... Катан был прав, рассказывая о чудесах Джаэруба. Алриасские мастера слышат мелодию и видят течения волшебства.

– Не каждый маг видит витали, – хмуро напомнил его спутник. – А вот демоны... Древние народы гораздо ближе к царству духов, чем ты представляешь. Ты очень рискуешь, раскидываясь своими слугами.

¹ *de* «понижение» *valeo* «иметь значение; стóбить» (лат.) – девальвация

– Мне пришлось пойти на риск, – помрачнел юноша. Повертев в руках товар, он поставил его на место и направился дальше. – Я никак не мог взять Дхару с собой. Бедняга так визжала, что даже сфера Миркира не заглушила бы этого крика.

– Ещё бы, – буркнул мужчина. – Она поглотила твою витали и обрела невиданную силу на свою бедную свихнувшуюся головушку...

– Верно, – кивнул юноша. – И ей нужен был отдых. Впрочем, можно подумать, тебя это расстроило. Как будто не было вражды между вами...

– Пакостница уничтожила тела моих солдат, – с наигранной печалью отозвался силач. – И всё же меня расстраивает, как легко ты разбрасываешься демонами. А что если твой слуга обретёт нового хозяина?

– Я надёжно запрягал Дхару Нэваалу в кольцо, – невозмутимо ответил его господин. – Маловероятно, что кто-нибудь найдёт ту пещеру, а уж тем более одно из тысяч колец...

– Мало, но всё же вероятно... – настаивал мужчина.

– И вовсе я не разбрасываюсь демонами, – слегка сердито добавил юноша. – Мы снова в Джаэрубе. Как только я решу загадку столпов Си, обязательно вернусь за Тринадцатой.

– Когда же это случится?

– Конец близится, круг почти замкнулся. Мы уже отыскали большую часть пещер.

– Готов поспорить, ещё одна пещера находится там, куда ты не сильно-то стремишься попасть... – ехидно вставил мужчина.

– Агару, проклятое королевство... – вздохнул его господин. – Ты прав, оно пугает меня... Я всё вспоминаю о том, что в Эсфире сожгли хранильницу... И вижу охотников на ведьм, которые сожгли деревню Джу. Похожую силу использовали стражи, забравшие Катана. Откуда она у охотников? И откуда их лютая ненависть к магам?

– Не сомневаюсь, ты выяснишь это... Как всегда, вмешавшись туда, куда не просят.

– Как ты заметил, в Агару может находиться один из столпов. Я найду все семена из пещер, обрету прежнюю силу и выберусь в свою сказку...

– Скорее бы выбраться из Джаэруба, – буркнул силач. – Знаешь, Дженн, отвратительно, как ты говоришь о себе... Какой облик ты... приняла.

– О-о, мне хватило той истории с работарговцами... – усмехнулся Дженн, раздражённо почесав щетину на подбородке.

– Кто ж виноват, что здесь девственницы дороже золота, а кое-кто забыл подстраховать себя после мёртвой воды? – неслышно хохотнул его спутник.

– Не до того мне было, когда по нашим следам шёл Враг... – разозлился Дженн.

– ...О нет, Мудрец, не выдвигай так сильно нижнюю челюсть. Есть разница между грозным видом и глупым.

– ...Ох, как же непросто быть мужчиной. Неужели, когда я обращался лисой или птицей, то выглядел столь же нелепо?

– Ты перенимал не только облик, но и повадки зверя, а у них всё естественнее. Людей же портит собственное воображение. Придумали о себе Единый знает чего... Помню, когда-то я тоже немало сил потратил, чтобы научиться быть мужчиной, умбелийцем... императором.

– Тебе помогал лучший из мужчин, – с грустью вздохнул Дженн.

– Верно, – согласился демон. – И знаешь, маэстро не одобрил бы твой новый облик.

– Считай это маскировочным окрасом, если тебя это так возмущает...

– Почему бы просто не наложить иллюзию?

– Тебе это известно, Дзэрт! Я уже говорила!.. говорил, что на Юге есть знакомые мне хранители, и они не должны узнать меня.

– Опасно так играть со своими энергиями. Быть мужчиной – это тебе не только мочиться стоя. Меняются твои желания, ход мыслей... Витали в твоей крови становится иной... Да ты уже и думаешь о себе в мужском роде...

– *Иначе нельзя, как ты не понимаешь, Дээерт? – поморщился Дженн. – Если я буду думать как женицина, а говорить как мужчина, когда-нибудь я допущу ошибку. А про дисбаланс можешь мне не рассказывать, в Джаэрубэ я ощицаю его самой кожей. Не удивительно, что страна ослабла, и кочевники разоряют её, как хотят, – он задумался. — По-видимому, что-то неладное случилось с хранительницей этой земли... А остальным хранителям как будто всё равно. Однако я не они, и не собираюсь делать чужую работу. В данном случае мне проще изменить себя, чем переделать весь мир.*

– *Это юный мир... – кивнул Дээерт. – Здесь преобладают грубые энергии. Возможно, так оно и должно быть.*

– *Да и пусть бы, – кивнул юноша. – Но должно же соблюдаться некое равновесие! Вспомни, в Добуре некоторых женицин боятся, точно демонов, в Калосе – боготворят, как небесных духов...*

– *Зато в Клыках Салжу у каждой женицины по пять мужей, – вставил демон.*

– *А в Джаэрубэ с женицинами просто не считаются, – горячо продолжил его спутник. – Даже дивноликие эльфы Похонбесара ведут свои дела с Джаэрубом через посредников людей. Погляди вокруг, видишь ли ты женицин?*

– *Не вижу, да и тебе незачем видеть женицин Джаэрубэ, Мудреи, – рассмеялся Дээерт.*

– *Не понимаю... Ты намекаешь, что я могу влюбиться в женицину?*

– *Даже демоны влюбляются, слишком заигравшись в людей...*

– *Однако мне не до смеха, – продолжил юноша. – Что за веселье? Женицина не имеет права выйти из дома даже на праздники! Ты слышал рассказ дровосека? Рождение девочки – несчастье в семье. У одного мужчины может быть несколько жён, каждая ненавидит другую и её детей... За всё наше странствие мы не встретили ни одного храма двуликой Матери Танах... Это отвратительно. А мой вид в данных условиях вполне естественен.*

– *...Здесь и правда не хватает женицин, – ухмыльнулся силач. – И твой вид будит во мне противоестественные желания.*

– *Ты демон, а не человек, и все твои желания не имеют отношения к половому влечению, – сухо констатировал юноша. – Они основываются лишь на одном – потребности властвовать и защищать власть. Твоё влечение к тому, кто повелевает тобой, вполне естественно. Делай своё дело и не надоедай мне своими человеческими намёками.*

– *Слушаю и повинуюсь, господин... – усмехнулся демон. – Но пусть мои намёки будут тебе напоминанием о том, что мы становимся теми, кого изображаем слишком долгое время...*

– *Я помню, что твой дух способен эволюционировать, – кивнул его спутник. – Истинная любовь хотя бы на время изменила твою природу... к лучшему, я считаю.*

– *Остаётся надеяться, что, меняя свою природу, ты не утратишь того своего «лучшего» и не забудешь о цели нашего путешествия, – добавил мужчина.*

– *Хорошо, я согласен с тобой. Пожалуй, нам и правда лучше поскорее убраться из Джаэрубэ...*

– *То-то же.*

Путники вышли на площадь. Под ритмичную мелодию барабанов и дудок на ней танцевали уличные артисты в пёстрых платках и широких многослойных юбках. Их торсы закрывали массивные связки бус, на щиколотках и запястьях звенели бубенцы. Кто-то показывал чудеса гибкости и ловкости, движения других напоминали скольжение кобры по волнам барханов. Хотя чёрные промасленные косы танцоров порой доходили до бёдер, все они были мужчинами.

– *Когда-то я знал дану, который танцевал похожим образом, – Дженн одобрительно кивнул артистам и бросил им несколько медных лун.*

– *А помнишь наш танец на празднике Нового года? – склонился к его уху демон.*

– *Очень хорошо*, – улыбнулся его собеседник. – *Ты думал тогда о Лилио, а я о Сайроне... Никакой из моих обликов, ничто и никто не заставят меня забыть о том, что Сайрон может быть жив!*

– *В Диких землях ты не отказывалась от моего тепла...*

– *Это логично: ты тёплый. А мои силы ещё не восстановились после того, как их пожрала Тринадцатая... В Белой пустоши было слишком холодно даже для меня. Если бы Синий Див был здоров, но... из всех моих спутников у меня, увы, остался лишь ты, Дэзерт.*

– *Верно... А что если ты так и не сможешь найти Сайрона? Катан в заточении... Сола ты ненавидишь... Зато мне можешь придать любой желаемый облик.*

– *...И правда*, – криво улыбнулся Дженн. – *Думаю, что в следующий раз я потрачу на твоё тело куда меньше глины. И подарю эту игрушку какой-нибудь престарелой торговке рыбой. Ты ведь любишь запах рыбы?*

– *Даже Катан не был ко мне столь жесток!* – одобрительно рассмеялся демон. – *Я давно понял, мы с тобой предназначены друг для друга! Как ты там говорил тому дровосеку: неспроста судьба свела нас...*

– *...И если бы я только знал, что так будет*, – устало вздохнул Дженн и охнул.

Внезапно маленький, шустрый и на редкость сильный человек почти сбил его с ног. Бывший наёмник сумеречных лис успел увернуться.

Вор – лысоголовый людок, – используя стоящих на привязи верблюдов как живую лестницу, с быстротой и ловкостью мартышки вскочил на крышу дома, с неё прыгнул на другую, а оттуда нырнул в тень переулка. В следующий миг мимо путников пробежал старец в богатом парчовом кафтане.

– Дженн, кошелёк? – рявкнул Дэзерт.

– На месте, – кивнул ему спутник, хмуро глядя вслед старцу, который приблизился к зданию и прыгнул на теневую тропу вслед за мальчишкой. – Он не хотел меня обворовать, он... убегает, – юноша скривил губы. – Как же мерзко воняет этот старик.

– Что это значит, Дженн? – проворчал демон, устремляясь за спутником. – Постой! Ты что удумал? Снова помогать?! Это же просто вор!

– Это ребёнок! – только и крикнул в ответ юноша.

– Нет! – взмолился Дэзерт. – Давай просто сделаем что собирались и уберёмся из этого города... Эй... Да за что же мне такой господин?! Ах, Единушка!

Не обращая внимания на крики демона, Дженн шагнул на лисью тропу. Дэзерту пришлось последовать за ним. Вскоре они оказались на перекрёстке трёх улиц. Здесь дороги образовывали шесть лучей, словно звёзды на резных джаэрубских орнаментах.

Вокруг поднимались двухэтажные дома с плоскими крышами. От окна к окну протянулись верёвки с бельём. Из-за ставен доносились детские голоса и плач. Какая-то женщина усталым голосом пела колыбельную.

Маленький вор и его преследователь застыли на противоположных сторонах улицы. Глаза старца злобно сверкали. Мальчишка будто окаменел, на лице его читался невообразимый ужас. Дженн отчётливо ощущал вибрацию враждебной магии. Малец был связан нитями витали, он оказался в западне.

– Проклятая мартышка! – прошипел колдун. – Ты посмел украсть мои деньги! Теперь я убью тебя!

– ...Уважаемый, зачем же сразу убивать? – вмешался Дженн. – Вор пойман, вы можете забрать свой кошелёк, – юноша невольно нахмурился, когда взгляд старца метнулся к нему, словно ядовитая змея. – Не нужно устраивать смертоубийств. Вокруг же мирные люди... дети смотрят.

– ...Дженн, осторожно! – раздался предупреждающий крик Дэзерта.

Из-за спины старика откуда ни возьмись появились два зверя – будто сплетённые из старой грязной шерсти собакоподобные твари. Они бросились на юношу, но демон преградил дорогу. Его кулаки с готовностью встретили их ощеренные морды. Клыки зверей впились в его плоть.

Боль и прыснувшая кровь лишь распалили демона. Он глубже продвинул им в глотки свои израненные кулаки и ухватил собак за их языки. Крепко сжав и хохоча как безумец, Дэзерт принялся крутить зверей вокруг себя. Твари даже не сумели взвизгнуть, расставаясь с жизнью...

Враждебная магия рассеялась, но в тот же миг колдун бросил в противника сеть, которой он сковал и маленького вора. Силач упал на землю, не в силах пошевелиться. А руки старца с молниеносной быстротой взмыли вверх. На его пальцах расцвело пламя. Ослепительный шар поднялся над остроконечной шапкой. Свет озарил желтоватое сморщенное лицо колдуна, его белую бороду, лизнул фасады домов, разлился по кварталу. Да так и застыл.

Внезапно стихли все звуки: писк крыс, лай собак, голоса и крики детей. Умолкла колыбельная песня. Остановилось едва заметное колебание висящего на верёвках белья. Вдалеке на ходу замерли прохожие. Затихло всё вокруг. А в прищуренных глаза колдуна отразилось недоумение.

– ...Дженн, – прошептал Дэзерт, высвобождаясь от пут. – Что ты творишь?

– Я не могу допустить, чтобы пострадали невинные, – объяснил Дженн.

– Нельзя применять магию времени... – замотал головой демон. – Ты забыл, что говорила богиня Лианхо?

– Похоже, ты забыл, с кем разговариваешь? – надменно произнёс юноша. – Мудрец здесь я! И я посланник Судьи! Волею богов мне позволено уничтожать таких, как этот злодей... Это мой долг!

Дженн сжал кулаки и резко распрямил пальцы. Огненный шар ожил, взвыл и опустился на собственного творца. Могучее почти белое пламя объяло силуэт старца. За долю мига оно пожрало и его колпак, и парчовый кафтан, и его самого. Колдун истошно взвизгнул и умолк.

Течение времени вновь обрело свой ход. Пламя исчезло. Отвратительно смердя жареным гнилым мясом, рухнул на землю обгоревший труп. Жалобно звякнули потемневшие от жара медные лампы, висевшие у него на поясе.

Маленький вор вскрикнул и закрыл лицо руками.

– Тебе больше ничто не угрожает, – Дженн приблизился к мальчику и легонько подтолкнул его вперёд. – Но нам лучше побыстрее уйти отсюда, пока не подоспела городская стража.

Юноша укрыл труп колдуна в тени, подальше от глаз случайных прохожих, местных жителей и стражи. Городские падалыщики должны были доглотать его останки и растащить кости по норам.

– Благодарю тебя, добрый господин, – через некоторое время произнёс вор. – Если бы я знал, что благородный старец окажется мерзким гулем, не стал бы связываться...

Мальчик пытался храбриться, но голос у него был тихий и тоненький, как у девочки. Путники ушли на достаточное расстояние от злосчастного перекрёстка, и всё же страх неохотно отпускал мальчугана. Запах гари пристал к одежде, навязчиво напоминая о случившемся.

Даже Дэзерт беспокойно морщил нос и хмурился. Дженн беззвучно усмехнулся. Если раньше Лион Великолепный напоминал повадками холёного кота, изредка впадающего в бешенство, то теперь он больше походил на уставшего бродячего пса.

Впрочем, они давно были в пути и оба устали. Время не ждало. Чем больше его путники проводили здесь и сейчас, тем опаснее становилось их будущее.

– Я обязан тебе жизнью и хотел бы отплатить, господин... – уже смелее проговорил вор. – В праздник Азрэка бог подарил мне удачу, и сегодня мне повезло... Хочешь, я отдам тебе часть добычи?

– Дитя, ты напомнил моему господину о его истинной природе, так что можешь считать свой долг оплаченным, – пошутил демон и тут же охнул, легонько получив под рёбра острым локтём.

Мальчик бросил на спутников недоумённый взгляд.

– ...Я хочу знать, откуда простому вору известны теньевые тропы? – сменил тему Дженн, изобразив строгость.

– Теньевые тропы? – озадаченно прошептал вор.

– Теньевые, лисьи, тайные... – добавил Дженн. – Пути, по которым ты убежал от колдуна.

– Дрёмные тропинки? – серые глаза вора заискрились восторгом. – Тебе они тоже известны?

Дженн кивнул.

– Почему ты называешь их дрёмными?

– Ну... – мальчик замялся, раздумывая, как лучше объяснить очевидное. – Когда ступаешь на дрёмную тропинку, всё вокруг становится таким размытым и вязким, будто идёшь во сне... И, как во сне, любые дороги становятся короче. Родители называют их дорогами сна, а я – дрёмными.

– Откуда у вас это знание? – повторил вопрос юноша. – Мои учителя-звери доверяли его лишь избранным...

– Ты видел учителей! – воскликнул мальчик. – Азрэк благословил тебя своей милостью... Я точно не знаю, господин. Меня всему обучил отец, отца – дед, того – прадед... Прапрадед рассказывал, что жил в лесных горах Сурам и общался с полубогами.

– А давно ли твой род промышляет в Алриасе? – поинтересовался Дженн.

– Я родился здесь, – кивнул мальчик. – Мой отец родился здесь, и мой дед, и мой прадед...

– Ну, ясно, ясно... – прервал его демон.

– И что же твой прапрадед? – продолжил Дженн, снова стукнув своего спутника. – Он принадлежал к клану сумеречных лис?

– К клану обыкновенных воров, – вставил Дээрт, снова получив тычок. – Ох...

– ...Это тайна, которую я не имею права раскрывать, – пожаловался мальчик. – Но раз уж ты, благородный господин, назвал свою плату за моё спасение, разреши пригласить тебя в гости. Моя матушка готовит восхитительные миндальные пирожные и халву...

– О-о, пригласили дракона в сокровищницу, – рассмеялся Дээрт, хлопнув Дженн по спине.

На этот раз юноша только улыбнулся шутке своего спутника и кивнул мальчику:

– Признаться, нам редко удаётся отдыхать не под открытым небом. И мы рады твоему приглашению.

– ...А мой дед сможет ответить на твой вопрос, господин, – весело добавил вор.

– Можешь называть меня Дженн... – представился юноша. – Мой спутник – Дээ.

– У тебя тоже нет волос, – уважительно посмотрел на демона маленький вор. – Ты похож на большого людка!

– Все мои волосы выпали от тяжёлой работы на этого «Мудреца», – хохотнул Дээрт.

– А ты колдун? – вдруг спросил мальчик, глянув на юношу. – Или даже... джинн? Только джинн мог одолеть того колдуна!

– Я странник, – пояснил Дженн. – Я хожу по миру и собираю сказки, легенды, знания, в том числе и волшебные.

– Большая честь познакомиться с вами обоими, – негромко ответил мальчик, опустив глаза. – Меня зовут Тикка... Тикка Быстроногая.

– О, ещё одна актриса, – хохотнул демон.

– Не бойся, Тикка, – произнёс Дженн, глядя в удивлённые глаза девочки. – Я сразу понял, кто ты. Я умею хранить тайны, но надеюсь на взаимность. Понимаешь, мне нередко приходится менять свой облик.

– Разумеется, госпожа... господин, – прошептала Тикка. – ...Путь до моего дома неблизкий. Умоляю, поведай о ваших приключениях! Из-за проклятых кочевников я не могу и шагу сделать за стены города, а общаюсь с такими же маленькими людьми, как сама... Расскажи, что есть на свете? Где вы были? Кого встречали?

– Что ж, это можно, – улыбнулся Дженн. – Пожалуй, я расскажу тебе об одном мальчике по имени Таймани Каменные Руки, которого я встретил в Добуре, недалеко от гор Ибу. Он тоже мало что видел в своей жизни, потому что жизнь его ему не принадлежала. Таймани рано потерял родителей, и единственным его другом был буйвол. Вместе они целыми днями трудились на полях своего жадного господина. Они возделывали фасоль и кукурузу, которой любили лакомиться не только господа, но и местные олени... Надсмотрщики отгоняли диких животных. Но вот однажды к полю, на котором работал Таймани, пришёл необыкновенный олень... Должен я тебе сообщить, что рога его были голубые, словно небеса, а шкура переливалась чистейшим золотом! И, конечно же, узнав об этом, жадный господин, которому служил Таймани, решил поймать волшебного зверя...

* * *

Светало, а вместе с тем в Алриасе затихал и шум праздника. Засыпали утомлённые весельем алриасские мужи: кто дома, кто в гостях, а кто и на улице. В тених на перекрестье трёх улиц воцарилось безмолвие. Ребёнок, наконец убаюканный матерью, перестал плакать и уснул в своей колыбельке.

И только крысы, осмелев, выползали из своих нор. Серые искатели объедков знали, что в ночи праздников лучше не показывать носа, ну а после им будет чем поживиться. Кое-кому из крыс повезло найти обгоревшие останки человека. Однако приступить к пиру им не пришлось. Грызуны в страхе прыгнули в стороны.

Обугленный труп вдруг зашевелился. Заскребли по земле кости пальцев. Из опалённой груди колдуна вырвался стон. Череп его затрясся, дрожь прокатилась дальше: по плечам и по спине, вдоль рук и ног. Чёрная плоть начала обваливаться, на оголившихся костях появились белые сухожилия и красное мясо.

Сморщенная, как сушёный инжир, кожа стремительно расползалась по телу старика. Пустые костные впадины на его лице заполнили глазные яблоки. Клацнули жёлтые зубы. Через некоторое время содрогавшийся от боли колдун уже сумел подняться на ноги. Со злобой он поглядел в том направлении, куда вели следы его обидчика.

– Дже-енн... – прошипел старик. – Джи-инн...

Жалобно звякнули висящие у него на поясе масляные лампы. Могло показаться, что за их медной мелодией раздаются далёкие голоса. Если прислушаться, можно было различить проклятия, вопли, крики о помощи.

Колдун положил на одну из ламп трясущиеся старческие пальцы и оскалил гнилые зубы, которые не могло поправить ни одно известное заклятье.

– Тише, тише... Обещаю, совсем скоро у вас появится новый собеседник...

2 Золотой олень

Переливы птичьего пения, стрёкот насекомых и сотни других голосов – рыкающих, мяукающих, хрюкающих, воющих и смеющихся – наполняли изумрудный полог Хаореора. Казалось, вся полнота жизни сосредоточилась в сплетении их широких извилистых ветвей.

Здесь играли в догонялки обезьянки и небольшие древесные волки с зеленоватой, как трава, шкурой. Здесь же охотились гигантские рептилии и кошки. Среди листвы темнели гнёзда птиц. Некоторые были заброшены и столь массивны, что их вполне могли использовать для ночлега случайные путники.

В вышине, будто праздничные салюты, расцветали яркие орхидеи. Увитые лианами древесные стволы росли тесно, и лучи солнца пробивались к земле лишь тонкими струями. Внизу в вечном сумраке царили насекомые и пресмыкающиеся, обильно разрастались ползучие мхи, плауны и папоротники.

И над всем этим буйным миром джунглей властвовали необыкновенные грибы: крупные и почти невидимые, источающие ароматы подобно цветам и смердящие хуже навозной ямы. Тела одних напоминали застывшие в танцы человеческие силуэты. Другие походили на заросли морских кораллов. Третьи представляли собой сосуды со слизистым содержимым.

Каких только грибов не росло в джунглях Хаореора...

– Беги, беги, беги!!! – крикнула Дженна, подталкивая вперёд своего спутника.

– Надо драться! – взревел Дэзерт, тем не менее подчиняясь приказу.

– Идиот! – огрызнулась Дженна. – Мы же не можем воевать со всем лесом! Знаешь, как устроены лешие? А этот... – она на миг обернулась и, взвизгнув, припустилась ещё быстрее. – Этот ещё и гриб!!!

Бледно-розовая шляпка лешего напоминала буханку испорченного хлеба. Плодовое тело размером с крупное дерево было покрыто тончайшими волосками. Тысячи капель венчали каждую нить. В полумраке леса они светились, точно кровавые глаза, но в любой миг готовы были отделиться от тела, чтобы атаковать свою жертву.

У ножки гриба в липких пахучих лужах угадывались останки птиц и мелких зверей. Чародейка и её спутник едва сумели избежать их печальной участи. Но брызнувшие из ворсинок красные капли обожгли лицо Дженне и ослепили её. Девушка вскрикнула от боли и в тот же миг ощутила на своём запястье пальцы Дэзерта. Демон рванул её за собой.

Они ещё долго бежали, то и дело увязая в паутине грибниц, спотыкаясь о корни, падая и вставая. К счастью, вскоре стена леса разошлась. Сквозь зажмуренные веки Дженна различила свет солнца, услышала шум воды, а под ногами почувствовала каменистую почву. Чародейка облегчённо вздохнула. Твёрдая порода не позволяла разрастаться грибнице, и здесь леший уже не смог бы дотянуться до непрошенных гостей.

Дэзерт помог девушке умыться, а затем и сам погрузился в воду, чтобы ополоснуть с кожи ядовитую пыль красных спор. Спустя некоторое время к Дженне вернулось зрение, и она смогла оглядеться. С запада надвигались тяжёлые дождевые тучи. Туманы, идущие с ними, заслоняли добрую часть пейзажа.

Перед путниками расстилалась широкая река. Должно быть, это была священная Амита-ра – главная водяная артерия, питавшая и Добур, и Джаэруб. Это значило, что они потеряли ориентир и пошли в противоположном направлении – на восток.

Демон и чародейка проделали долгий путь от Клыков Салжу в поисках нового столпа Сии. По легендам, одно из Древ, поддерживающих мир, могло произрастать где-то в горах Ибу, которые венчали западное побережье Добура. Чтобы быстрее достичь цели и избежать многочисленных опасностей, большую часть времени путники следовали по лисьим тропам. Но в

джунглях Хаореора царство теней, пролегающее под кожей мира, стало вести себя причудливо и непредсказуемо.

Тайные тропы могли увести не в том направлении, куда шёл путник. Некоторые из них и вовсе уходили в глубь земли, а в конце вдруг обретали плотность, превращаясь в тупик. И хотя никаких знакомых Дженне фей тут и близко не было, как будто кто-то всё время следил за путниками. Точно некое подобие разума имела сама земля, пронизанная бесконечными грибами и корнями. Порой всё вокруг начинало вздрагивать, а путников пугали едва различимые, но отчётливые раскаты смеха.

Короче говоря, странствие затянулось. А теперь они ещё и заблудились безо всяких теней.

Дженна осмотрела поверхность воды. То тут, то там из неё показывались каменные спины валунов, будто застывшие в прыжке дельфины. У берегов зеленели сети трав, но ближе к середине река проявляла бурный нрав и обретала пронзительно-синий цвет.

– Не слишком долго купайся, Дзэ... – нахмурилась девушка. – Неизвестно, что за хрень водится в этих водах. Боюсь, рыбы, змеи и крокодилы могут показаться безобидными котятками по сравнению с какими-нибудь плотоядными водорослями...

– Проклятый Хаореоре, – фыркнул её спутник, выбираясь на берег. – Похонбесар нам хоть передышку давал, а здесь на нас всё время кто-нибудь нападает.

Дженна рассмеялась и скривила рожу:

– «В джунглях Добура произрастают причудливые растения, – говорил он. – Мне даже казалось, что некоторые из трав и цветов вполне разумны...» – говорил он. Катан не мог упомянуть, что эти разумные растения питаются хранителями?!

– ...И даже глиняными куклами, вмещающими демонов, – мрачно добавил Дзэерт.

– ...Помнится, в дальних джунглях Ферихаль обитали похожие создания, – подумав, проговорила Дженна. – Грибов там, конечно, было поменьше, зато повсюду росли хищные цветы. Вот залюбуешься таким дольше необходимого – и... Причём, если в Северных королевствах и Энсолорадо я чувствовала, что всегда могу договориться с лесом, то в джунглях мне кажется, будто мы общаемся на разных языках.

– Но такие, как ты, обладают талантом распознавать и учить любые языки, – припомнил Дзэерт.

– Значит, не все, – пожал плечами Дженна. – Либо что-то мешает мне... – она усмехнулась и продолжила уже спокойнее: — Впрочем, законы всё равно остаются одни и те же. Если тот гриб действительно был леший, ему, скорее всего, не понравилось, что мы с тобой всё время ругаемся.

– Так давай не будем ругаться и придумаем чего-нибудь пожрать, – предложил мужчина. – Вот тебе ещё один универсальный закон: либо ты питаешься, либо питаются тобой!

– ...Но только не грибы, – предупредила Дженна.

– А чего бы и нет? – хохотнул Дзэерт.

– Нельзя же есть то, что ест демонов, – брезгливо поморщилась девушка.

– Ох, как ты не любишь меня, – усмехнулся её спутник.

– Ага, ты-то меня просто обожаешь, – ехидно сощурила глаза Дженна. – Видимо, поэтому и не предупредил о приближении работарговцев...

Чародейка кинула взгляд на небо и, оценив обстановку, обошла кругом часть пляжа, чтобы выставить защитную ауру. Хотя вблизи гриба не должны были водиться крупные хищники, стоило подстраховаться не только от них, но и от лесных духов, а особенно от насекомых. Большая их часть отличалась таким аппетитом, что, в отличие от комаров и блох Севера, они с удовольствием сосали кровь вместе с мёртвой водой.

– А-а, ты всё не можешь мне простить работоторговцев? – фыркнул Дэзерт. Не теряя времени, он принялся собирать по берегу камни, чтобы сложить кострище. – Ну, во-первых, я не сразу понял, что это за мужички. Может, они так жён своих взяли...

– ...В клетках, – вставила Дженна.

Закончив плести ауру, она вынула из теневой сумки рыболовные снасти. Проверив грузила и крючок, она нашла тут же в разворошённых демоном камнях большую толстую улитку, насадила наживку и закинула подальше в воду.

– Поверь, на своём веку я повидал разные народы, – авторитетно заявил демон, наблюдая за процессом. – У всех свои традиции.

– Ну разумеется... – буркнула девушка.

– А во-вторых, Мудрица, – нахмурился Дэзерт, – согласишься, я имею право злиться на тебя.

С этими словами мужчина демонстративно повернулся спиной к собеседнице и направился вдоль берега на поиски вынесенных приливом веток. Через некоторое время он собрал достаточно древесины, распалил костёр и присоединился к Дженне. Девушка уже успела вытащить из воды две увесистые рыбины. Вместе они почистили добычу, поставили котелок на огонь и стали дожидаться кипятка и углей.

Серые тучи заслонили небо, в воздухе повисла тяжёлая сырость. Дэзерт недовольно морщился, угрюмо поглядывая вверх. Однако дождя, на его счастье, не случилось.

Через некоторое время оранжевый шар солнца показался между фронтом облаков и медленно упал в объятия леса. Тени становились всё насыщеннее, и джунгли меняли свою мелодию на вечернюю. Им подпевали тихий гул огня и журчание реки.

Наконец забулькала и вода в котелке. Дженна разлила кипяток по кружкам, бросив в них найденные по пути листья, чей запах напоминал зелёный чай с нотками цитрусов.

Растение это чародейка видела впервые, но ясно чуяла его витали. Густая и не смертельная концентрация мёртвой воды позволяла уравновесить силы. Джунгли пели живой водой и буквально кишели жизнью, в том числе опасной для здоровья даже таких путников, как они.

Дэзерт отложил горящие поленья в отдельный костёр и устроил на углях рыбины, завернутые в широкие толстые листья. Пока чародейка и демон наслаждались чаем, от костра поплыл аппетитный аромат.

Довольно бубня себе под нос, мужчина разложил на камнях готовое блюдо. Дженна вынула из теневой сумки и поставила рядом мешочки с острыми специями и солью. Поразмыслив немного, она добавила к ним кулёк с засахаренными орешками, которые очень любил её спутник.

– Вот чего я никак не пойму, – заявил Дэзерт, вонзая зубы в белое мясо. – Ты ловила рыбу голыми руками, обращалась соколом, лисицей, русалкой, даже драконом... И всё равно рыбачишь при помощи какой-то удочки.

– Привычка, – пожала плечами Дженна. – Я люблю посидеть на берегу с удочкой... Это занятие выравнивает и успокаивает течения моей силы. Магия же, напротив... всё переворачивает с ног на голову.

– А с удочкой ты в библиотеке научилась обращаться?

– Когда-то давно я прочитала трактат о рыбной ловле, – кивнула Дженна. – Кстати, его написала женщина... настоятельница монастыря Единого.

– Я всегда знал, что среди монашек встречаются одарённые личности, – усмехнулся демон.

– Да уж, я помню твоё равнодушие к монашкам, – ухмыльнулась Дженна.

– А помнишь моё равнодушие к дождям? – Дэзерт хмуро поглядел на небо. – Может, укроемся на ночь временной тенью, как делали в лесах Похонбесара?

– Эти джунгли отличаются от тех лесов, – отрицательно мотнула головой Дженна. – Хочешь проснуться где-нибудь глубоко под землёй?

– Нет так нет, – отмахнулся Дээрт.

Ночью странников разбудила гроза. Дождь хлынул с такой силой, что Дженне пришлось уступить Дээрту. Она ужасно устала и сплела временную тень быстро, почти не открывая глаз. Магическое укрытие едва касалось общей тени мира, и спросонья Дженна понадеялась, что на этот раз им удастся избежать неприятных сюрпризов.

Накинув волшебный плащ на себя и своего спутника, девушка снова погрузилась в дрему. Однако отдых длился недолго. Ужас накатил удушливой волной, вырвав её из сна. Распахнув веки, Дженна принялась судорожно размышлять, что вызвало этот ужас и почему молчит Дээрт, чью близость и тепло она ощущала спиной.

Девушка попыталась пошевелиться. Ничего не вышло! Временная тень была цела, но она уплотнилась, превратившись в тугой мешок... Что случилось? Может быть, джунгли вновь похоронили путников в своём чреве? Или они были съедены и оказались внутри гриба?

Дженна даже подумала, что Дээрт решил отомстить ей и затащил в свой Миркир, если бы не знакомый смешок. Ни звука дождя, ни шума реки слышно не было. Но где-то далеко во мраке раздавалось хихиканье.

Чародейка глубоко вздохнула и зажмурилась. Паника – главный враг в любой ситуации. Нужно было успокоиться и подумать. И Дженна думала, однако в голову ничего не шло до самого рассвета. Поднявшееся над лесом солнце развеяло ослабевшую за ночь временную тень. Тело страшно затекло без движения и болело, зато Дженна снова могла пошевелиться.

Распахнув глаза, девушка успела застать странную картину. Они находились уже не там, где разбили лагерь. Путники лежали на широкой отмели. Река в этом месте сильно сужалась и образовывала петлю. На песке выделялись полосы следов, будто некто тащил вдоль берега огромный мешок.

Всё, на что попала временная тень Дженны, лежало рядом: удочка, несколько камней, кострище с углями и рыбные кости. За кострищем играли дети. Их было трое: смуглые, черноволосые с коротко остриженными чёлками и круглыми человеческими ушками. Смех ребятшек напоминал колокольчики. Дети играли с голенью...

Девушка обернулась к демону. Тот замер, почти не дыша. Его лицо было абсолютно белым и непроницаемым. Чародейка знала, что эта маска безразличия обычно говорит об обратном. Но ощущал ли мужчина ужас, который испытывала она сама, гнев, свойственный ему, или дикую боль, сказать было сложно.

Стиснув челюсти, Дээрт сжимал свою ногу, которую он кое-как перевязал у бедра собственным поясом. Несмотря на все усилия мужчины, кровь ритмично вырывалась из раны, растекаясь по песку красными ручейками. Голень, с которой играли дети, принадлежала демону.

Заметив, что на них смотрят, ребяташки оставили свою добычу и, смеясь, нырнули в тень зарослей.

– ...Я слеплю тебе новую ногу, – прошептала Дженна, заворожённо глядя им вслед. – У реки часто встречается глинистая почва...

– Да, – только ответил сквозь зубы мужчина.

Девушка обработала его рану. Мёртвая вода остановила кровотечение и дезинфицировала ткани. Судя по рваным краям, ногу отгрызли и вырвали из коленной чашечки. Убедившись, что жизнь демона вне опасности, Дженна отправилась собирать глину.

– ...Теперь, по крайней мере, ясно, кто сбивал нас с пути, – издали усмехнулась она. – Но я так и не поняла, к какому царству принадлежат эти малыши. Духи или волшебные создания? И зачем они притащили нас сюда?

– Создания, принимающие образ человеческих детей, не сулят ничего хорошего, – с неохотой проговорил Дээрт.

Дженна незаметно улыбнулась, вспомнив созданий, которые предпочли носить человеческий облик – хранителей. Их отпрыски, как и отпрыски людей, а также альвов и фей, мало чем отличались друг от друга. Все дети, которых знала Дженна, были очень похожи друг на друга.

«Мама, хочешь обниматься?» – раздался в памяти голос Май. Девочка набросилась на чародейку, будто дикий котёнок, обняла, а потом со всей силы вонзила свои маленькие белые зубки ей в плечо.

– И всё-таки дети ушли, – заметила Дженна. – А мы живы. Они не оторвали тебе голову, хотя, кажется, вполне способны на это.

– ... Я не мог пошевелиться, – проскрежетал мужчина, – даже пискнуть.

– Я тоже... – призналась чародейка. – Может быть, лесу нужна была жертва от нас? Духи нередко требуют что-то эдакое... В былые времена я оставляла дары, перевязанные красной лентой. Но в джунглях всё иначе...

– Думаешь, они забрали мою ногу себе в жертву?

– Твоя вонючая нога – дар сомнительной ценности... – усмехнулась Дженна.

– Признаться, она и самого меня не очень устраивала, – огрызнулся демон. – От этой вечной сырости между пальцами завелась какая-то гниль...

– Дэзерт! – воскликнула девушка. – Пожалуйста, следи за сухостью своих ног. Я же не могу каждую неделю делать тебе новые. Или ты хочешь отправиться обратно в Миркир?

– А может, твои лесные духи не хотят, чтобы я шёл дальше? – фыркнул Дэзерт.

– Или просто не любят демонов... – предположила девушка.

– Тоже мне новость, – усмехнулся её спутник. – Демонов никто не любит...

– Кроме русалок и шаманок... – улыбнулась Дженна, склонившись к мужчине с комом глины и закатывая его разорванную штанину.

– Издеваешься? – скривил губы тот.

– Нет, прости, – вздохнула Дженна, принимаясь за дело. – Я ляпнула, не подумав...

Некоторое время чародейка мастерила новую конечность, сплетая плоть земли Добура с телом демона и объединяя их витали. Когда форма была готова, девушка наложила на неё заклятие роста.

– Дэзерт... – через некоторое время продолжила Дженна. – Можешь не верить, но мне очень жаль, что так получилось с тобой и Лилио...

– Верю, – криво улыбнулся бывший император. – И, признаю, мне нравится играть на твоём чувстве вины...

– Ты омерзителен, – поморщилась Дженна.

– Я честен... – поправил Дэзерт.

– И ты не раз спасал мою шкуру... – кивнула чародейка.

– А ты уже в который раз лепишь мою, – добавил демон.

– Пожалуй, правая нога будет немного отличаться по цвету, – проворчала Дженна. – В пуще и у озёр Чармины была глина белая, а здесь тёмно-красная...

– Дженна, а ты не винишь меня? – прищурился Дэзерт. – В том, что я развязал войну между Востоком и Западом, в смерти гоблинов... Непросто, должно быть, путешествовать в компании бывшего врага.

Дженна отрицательно покачала головой.

– Ты был только марионеткой и выполнял приказы кукловода. Это был твой долг. Даже с человеческой стороны я понимаю тебя, Дзэ... Катан – часть твоего погибшего мира, ты был верен ему не одну тысячу лет. Я даже представить себе не могу, сколько это. А Лилио...

– ...Лилио была частью моего сердца, – закончил за чародейку демон. – Хотя сердце у демонов гораздо меньше человеческого.

– Скажи, ты часто её вспоминаешь? – несмело спросила Дженна.

– Не часто... – покачал головой Дээрт. – Моя сфера чувств не предназначена для тоски. Иногда я закрываю глаза и слышу её голос, вижу солнце Фалассии и даже солёное Синеффо. Тогда пламя моей души начинает гореть ровнее, – он помолчал. – Однако в полусне Миркира я тосковал чаще... почти всё время, проведённое там. После того, как Аликс убил меня, вы так и не дали мне нового тела. И вместо того, чтобы набираться сил, я тратил их на воспоминания... Мой зыбкий сонный мир демонов мне опостылел... Находясь в нём, я грезил о том закате, когда наши судьбы с Лилио стали едины. О коротком миге перед тем, как... – он хмыкнул. – Как я сделал свой выбор в пользу войны.

– Иногда уметь сделать выбор – большое счастье, – прошептала Дженна, опустив глаза. – Метания доставляют столько страданий...

– Ты так и не сумела сделать выбор? – Дээрт внимательно посмотрел на собеседницу.

– Я не уверена... Особенно после того, что ты сказал в Клыках Салжу...

– Слушаю тебя и вспоминаю, как хорошо быть демоном, – без тени иронии проговорил мужчина. – Чем больше сердце, тем больше с ним сложностей...

– Это так странно... – Дженна улыбнулась сквозь непрошенные слёзы. – Любить двоих...

– И всё же ты ушла из Сет, – сухо напомнил Дээрт.

Чародейка резко кивнула:

– Потому что Катан сделал выбор за нас обоих. И я думаю, он был прав.

– Ну а что ты *чувствуешь*?

– Мы не смогли бы быть вместе, – Дженна закончила оживлять глину и отвернулась, вытерев слёзы перепачканной ладонью. – Когда я смотрела, как маэстро общается с детьми, клянусь, я ощущала желание подарить ему много-много сыновей и дочерей... Катан – моё море... прекрасное, бездонное, непознаваемое и непредсказуемое... – девушка вздохнула. – Он морская бездна, с ним никогда не знаешь, что будет в следующий миг. Невозможно построить дом на краю бездны! Да, Катан любил меня. И ненавидел. Он был нежен, но и жесток без меры. Это невыносимо, мучительно! Даже в хорошие дни рядом с ним меня преследовало чувство опасности.

– ...С владыкой Расантером было иначе? – поинтересовался демон.

– С Сайроном я ощущала уверенность, даже когда мир рушился вокруг нас, – кивнула Дженна. – Погибая в Сия, я до последнего верила, что он спасёт меня. Смешно... До сих пор, когда мне тяжело, я смотрю на небо... Я ищу среди облаков силуэт чёрного коршуна. Какая-то маленькая принцесса внутри меня всё ждёт своего спасителя. Сайрон – гора, у подножия которой можно построить дом... да хоть целый город, страну! Гора защитит от любого ненастья...

– Маэстро часто говорил, что его брат создан быть владыкой. В отличие от него... Но...

– Но? – не поняла чародейка.

– Я слышу твой голос, Мудрица, мелодия твоей витали выдаёт неуверенность, – пояснил демон. – Всё же не так просто, верно?

– Пожалуй... – Дженна усмехнулась и низко опустила голову. – Сложность в том, что рядом с Сайроном я чувствовала уверенность в нём... Но не в себе. Эта гора прекрасна, но она заслоняла небо. Сайрон подавлял мой талант к мёртвой воде, окружал бесконечными запретами... Катан же предоставил мне свободу. Он вдохновлял меня, прощал любые, даже самые страшные ошибки... Только с ним я обрела свои крылья...

– Он прощал тебе ошибки, потому что и сам постоянно нарушал правила, – грубо вставил демон. – Примерно в твоём возрасте он взломал печать, которую на моё царство наложили сами боги, он приблизил сферу духов к сфере материи. Никто до него не общался с нами напрямую...

– Но разве это не восхитительно? – улыбнулась Дженна.

– Это противозаконно, – отрезал Дээрт. – Правила созданы не просто так...

– Я нарушаю правила только потому, что не знаю их, – тихо добавила чародейка. – Я родилась в мире, где царства духов и богов... опустели.

– Воистину дивны творения Единого, – покачал головой демон. – Не пойму, как могут существовать подобные миры. Как ты вообще могла родиться... и иметь при этом душу.

– Тебе, как никому, Дэзерт, должно быть известно, что даже в пустыне есть место жизни...

– Даже пустыня – это творение богов...

– Кстати, я заметила, что ваши боги не очень-то любят Катана, – припомнила Дженна. – Теперь ясно, почему.

– Я слышал, что они прятались среди умбелейцев? – ухмыльнулся Дэзерт.

– Представляешь, – девушка качнула головой. – Они всё время окружали Катана, а он не замечал...

– Вот что бывает, когда перемешиваешь разные царства, – фыркнул мужчина. – Мудрец и сам запутался в своих закланиях.

– Полагаю, что и соединять миры хранителям не полагается, – напомнила Дженна слегка обиженным тоном. – Но только так Катан сохранил хотя бы часть своего мира... И часть твоего, между прочим.

– Что верно, то верно... – согласился демон.

– Да, Катан нарушает правила богов и пишет свои... – вздохнула девушка. – Возможно, в нём искра Создателя горит ярче, чем в других?

– Ты сейчас о нём или о себе? – хохотнул Дэзерт. – Вот ты не хочешь строить свой дом у бездны, это можно понять. Но кто ты сама? Гора, бездна, пламя, вода? Посмотри, что происходит вокруг тебя. Ты желаешь помочь и делаешь ещё хуже. Рядом с тобой даже демоны оказываются в опасности.

– Может быть, ты и прав, – с грустью согласилась Дженна. – Может быть, у меня никогда и не было выбора... Я с детства была одна. И я должна оставаться одна.

– Или ты можешь выбрать кого угодно и когда угодно, – усмехнулся Дэзерт, осторожно поднимаясь на ноги. Сделав несколько шагов, он удостоверился, что снова может ходить, и приободрился. – К чему тебе строить какой-то дом, если твой дом – миры? Возьми всё лучшее, что они могут тебе дать! – воскликнул демон, взмахнув руками. – Любишься их горами и морями! Возьми себе лучших из мужчин! А их женщины пусть пекут для тебя лучшие пироги!

– А! Ты предлагаешь мне поработить парочку миров? – рассмеялась Дженна.

– Это тоже выбор – один из возможных, – кивнул Дэзерт. – Не нужно выбирать между Ка-Тхауэтом и Расантером, когда у тебя есть Дэзерт и его армия! Стань нашей королевой!

– Дженна – королева демонов...

Дженна продолжала хохотать, вытирая слёзы уже обеими ладонями. Дэзерт застыл посреди пляжа, воздев руки к небу и сверкая тёмными глазами. Величественная поза подошла владыке и полководцу, который стремится вдохновить свои войска.

Когда-то Дэзерт был действительно императором и носил облик Сайрона. Но Катан, сделавший ту куклу, был гениальным художником, а Дженна лепила так себе. Ей, знающей анатомию, неплохо удалась мускулатура, однако черты лица вышли не очень. Глаза оказались посажены слишком глубоко, очерк скул расплылся, нос походил на картофелину, губы напоминали двух дождевых червей, прилипших друг к другу.

К тому же под рукой не нашлось подходящего материала для волос. Катан делал великолепные парики из шёлковых нитей либо, как было с Тэй Дарансом, отдавал часть собственных волос. Это наделяло кукол его качествами, что Дженна делать не собиралась. Поэтому её куклы были лысыми. То есть Дэзерт не имел ни ресниц, ни бровей, что делало его лицо ещё более неприятным.

И, поскольку не всегда у Дженны было достаточное количество глины, чтобы слепить взрослого мужчину, чародейка использовала заклятие роста. Нити магии нужно было сплести равномерно, что получалось не всегда. Поэтому Дэзерт вышел высоким, но не особенно пропорциональным: голова и торс были немного мельче относительно богатырских конечностей.

А теперь ещё и правая нога отличалась по цвету. Да, хотя вторая кукла для Дэзерта получилась немного лучше первой, которую чародейка смастерила в степях Поющих ветров, Дженна была отнюдь не в восторге от своей работы. По сравнению с этим молодцем какой-нибудь тролль Гвирдр Драйгр мог бы сойти за писаного красавца!

– Да что смешного? – искренне удивился Дэзерт, заметив, что его придирчиво разглядывают. – О, на себя посмотри, «Ваше Величество», – ты вся перемазалась в глине...

– Ну ты и шутник, оказывается, – с улыбкой вздохнула Дженна, направляясь к воде, чтобы умыться. – А мне казалось, у тебя нет сферы юмора!

– Чего только ни отрастишь ради выживания, – развёл руками Дэзерт. – Надеюсь, теперь мы не будем ругаться, и лешие станут к нам благосклонней.

– ...Объявляю перемирие, «Ваше Величество»! – согласилась Дженна. Умывшись, она подняла голову и воскликнула: – Дэз, ты только погляди!

Небо очистилось от туч, и над деревьями стали видны горные гряды, окутанные голубоватой дымкой.

– Они похожи на груди, – прокомментировал демон. – На три пары женских грудей... Смотри, одни поменьше, другие покрупнее...

– Добурцы верят, что это часть тела самой богини Радуги, – восторженно вздохнула Дженна.

– Все три пары? – уточнил мужчина.

– Ага, – кивнула чародейка. – И это не просто горы, но дремлющие вулканы... Как тебе?

– Это поистине великая богиня! – оценил Дэзерт.

– Оказывается, мы уже совсем близко, – провозгласила Дженна, направляясь к лесу. – Пойдём же скорее!

Дэзерт последовал было за спутницей, но вдруг остановился и нахмурился:

– ...Нет, Дженн, постой. Нам нужно ещё некоторое время пройти вдоль реки.

– Зачем это? – удивилась чародейка.

– Прямой путь нехороший, – ответил мужчина, прислушиваясь. – В обход будет безопаснее и быстрее...

– Что?! С чего ты это взял? – возмущённо воскликнула девушка. – Гляди, река здесь так сильно петляет! Да мы будем идти целую вечность!

– Моя новая нога, – прошептал Дэзерт. – Она тянет меня... как будто знает путь.

– Ох, Единушка, – охнула Дженна. – Она же сделана из местной глины и связана с этой землёй! Конечно же, она знает путь! – чародейка задумалась. – Выходит, что те дети... Они хотели нам помочь!

– Немилосердные у них методы, – скривился Дэзерт и хохотнул: – Единушка! Мне нравится! Да, мне определённо начинает нравиться в Добуре...

– И мне, – с улыбкой кивнула Дженна.

Чародейка и демон вновь устремили свои взгляды вдаль. С удивлением и восторгом они смотрели туда, где из моря зелени, точно горделивые женские перси, вздымались зелёные горы Ибу.

3 Семя Удачи Хазаон

Он остановился, чтобы немного отдохнуть, и поднял глаза на величественные вершины. Этот вид на окружённые таинственной дымкой горы Ибу всегда придавал ему сил. Горы были высоки и прекрасны, как его мечта... И такие же недосыгаемые. На их священные вершины, поросшие густой зеленью, боялись подниматься даже самые смелые охотники.

Таймани по прозвищу Каменные руки был сильным и выносливым мальчиком. Он мог бы быть и охотником, и даже воином. Однако Таймани родился рабом. И всё, что было у него, это крохотная хижина и маленький алтарь с сосудами для праха предков и чашей чистой воды – символом Матери Амитары.

Своей семьи мальчик лишился в раннем детстве. Его матушка сгорела в лихорадке, которую принесли болотные насекомые. Отец однажды упал на это самое поле, где теперь трудился его сын, да так уже и не поднялся. С тех пор единственной мечтой Таймани стало обрести свободу, уйти и больше никогда не видеть посевов фасоли, маиса и этих злых болот с протухшей водой.

Редкие странники, заходящие в их поселение, рассказывали, что где-то за северными грядками Ибу в дельте реки Амитары растёт большой город. Его дома сделаны из камня и так велики, что с них можно смотреть в лица деревьям. А пирамиды храмов возносятся и того выше – вровень с самими горами.

В городе тоже властвовали свои господа, но в нём было куда меньше болезней и гораздо больше возможностей для сильных духом и крепких телом. Радужная богиня Тонан и её сестра солёная Тотетаха, покровительствовавшие Бурунулару, были милостивы к своим поклонникам. Жрицы их храмов держали двери открытыми для всех сироток и даже позволяли им пить священное какао с солью.

Грубая брань надзирателя прервала размышления Таймани. Он снова взялся за плуг и послал вперёд своего буйвола. Вместе они, тяжело ступая по грязи, двинулись через поле, которое после прошедшего ливня больше напоминало болото.

Однако вскоре Таймани вновь остановился, широко улыбнувшись.

– О, Матушка Амитара! – восторженно прошептал он.

На этот раз никто и не думал ругать мальчика. Надсмотрщики тоже уставились на дивное зрелище. Из пучины джунглей к полям вышел высокий тонконогий олень.

Утреннее солнце сияло на его шкуре, словно та была выкована из чистого золота. Рога его цвета зелёной бирюзы были огромные. Среди их ветвей расцветали оранжевые чашечки огненной лианы. Вся горделивая стать оленя говорила о том, что хозяин на этих землях он и только он. Однако господин, на которого работал Таймани, был иного мнения. И очень уж ему пришлось по нраву золотая шкура диковинного зверя.

Не первый раз олень навевался на фасолево-кукурузные поля. Он часто приходил на те участки, где работали ребяташки. Иногда зверь играл с ними в догонялки, а девочкам дарил цветы из своих рогов. Некоторым детям он даже позволял прикоснуться к своей шкуре.

Сегодня к приходу оленя была подготовлена ловушка. Все посева фасоли и кукурузы были вырваны, кроме одного небольшого участка. К нему-то и направился незваный гость. И как только олень опустил голову, чтобы начать свою трапезу, вокруг него взмыли сети, сплетённые из самых прочных веревок.

Ловушка сработала. Надсмотрщики издали победные возгласы и бросились на спутанную добычу. Но не тут-то было! Волшебный зверь замотал своей венценосной головой, вспыхнули цветы на его рогах. Сети вмиг распались, будто их перерезали раскалённым кинжалом.

И всё-таки вооружённых мужчин вокруг оленя было уже слишком много. Обыкновенному зверю навряд ли удалось бы уйти. Однако волшебное создание вдруг затопало ногами. И

– о чудо! Россыпи золотых монет брызнули у него из-под копыт. Разумеется, надсмотрщики кинулись в грязь. Пока они дрались друг с другом за монеты, олень ушёл обратно в джунгли.

Случившееся ещё больше раззадорило хозяина Таймани. Ради того, чтобы изловить зверя, высекающего копытами золото, он нанял лучших местных следопытов и отправил с ними в леса почти всех своих охранников. Хозяин так жаждал получить волшебного зверя, что отпустил на поимку даже своих рабов. А особенную надежду он возлагал на ребяташек. Тому из них, кто приведёт оленя, хозяин пообещал даровать величайшую награду – свободу...

Нужно ли говорить, что Таймани и многие другие мальчишки его возраста приняли участие в походе?

Охота началась. Разбегались дикие звери, и сама земля содрогалась от звука барабанов. Весь лес до самых гор Ибу был изрыт ямами-ловушками. Днём и ночью отряды рыскали вдоль зарослей в поисках драгоценной добычи.

Так прошло несколько дней, но всё было тщетно. Зверь, который с таким бесстрашием приближался к охраняемым полям, теперь просто исчез. Тогда самые отважные охотники решили, что он скрылся на склонах Ибу, и двинулись в том направлении. Таймани и некоторые другие дети из деревни пошли с ними.

Ещё никогда мальчик по прозвищу Каменные руки не был так близок к этим величественным изумрудным горам. Здешние растения казались ему крупнее и сочнее, чем растущие у деревни, цветы были ярче, ароматы – слаще! Каждое из ветвистых деревьев могло бы сойти за обиталище духа.

Остальные дети из деревни рабов были не меньше ошеломлены дикими, полными диковинных голосов и растений джунглями. Изумрудные леса Хаореора сильно отличались от полей, на которых они работали с раннего детства. Однако все хранили напускную важность, беря пример с охотников.

Впереди других рядом с Таймани Каменные руки шёл Долговязый Накачи. Он был на год младше Таймани, но на целую голову выше него, недавно мальчику стукнуло десять лет. Следом, крадучись, точно настоящие следопыты, ступали Киору и Хочо Черепаха, затем Вау и младший Чатока Сирота шести лет.

Вместе с охранниками следовали лесные охотники. Это были крепкие поджарые мужчины, одетые в ожерелья и головные уборы из перьев орла, священной синей птицы кетсаль, змеиных и кошачьих клыков. Тела одних были украшены пятнами шрамов, которые делали их похожими на ягуаров, другие изображали на себе змеиную чешую, у третьих на спинах были высечены шрамами птичьих крылья.

То и дело кто-то из следопытов припадал к земле, долго изучал листья и ветки, принюхивался к отметинам, которые оставили животные, обращал внимание на особые голоса птиц и странные звуки. Таймани слушал во все уши. Каждое слово, произнесённое в этом походе, глубоко врезалось в твердь его пытливого ума. Сердце мальчика трепетало от гордости, радости и страха – острого и сладкого, как плоды красного перца.

Умывшись водой, добытой из природного колодца, Дженна поднялась было на ноги. Но в тот же миг она снова опустилась на колени и склонилась к земле.

– Да уж, рано мы понадеялись на милость богини Радуги... – заметил Дээрт, сидя неподалёку на каменном выступе. – У меня она забрала ногу, а тебя буквально заставляет поклоняться.

Дженна ничего не ответила, снова и снова содрогаясь в рвотных позывах. Казалось, уже всё, что можно, вышло из неё. Но нет, поклонение богине, как поэтично выразился демон, продолжалось.

– Говорил же тебе, не ешь тех древесных червей, – с укоризною добавил Дээрт.

– Змея... – простила девушка. – Меня укусила змея... С ветки прыгнула... Я нашла ранку на шее... А теперь чувствую мёртвую воду... Яды смерти выходят...

– Ранку? Может, комар? Тут и летающих гадов хватает, – демон отмахнулся от надоедливых насекомых. – Но разве некромантам страшен яд мёртвой воды?

– Я тоже думала, что справлюсь, – Дженна без сил упала на бок. – И упустила время...

– Ты ведь не помрёшь тут? – насторожился демон.

– Не дождёшься... – слабо улыбнулась чародейка. – Ещё догоню ту гадину и сама её съем.

– Я рад, что ты не теряешь боевого настроения, – одобрительно кивнул Дзэрт.

– ...Ты лучше спроси у своей ноги, куда нам идти? – раздражённо напомнила Дженна.

– Спрашиваю. Не отвечает.

– Спрашивай дальше! Сколько ещё можно блуждать по этим джунглям?

– Это вопрос к тебе, Мудрица, – фыркнул мужчина. – Ты открыла, что Древа Си могут быть пещерами! Даже маэстро не использовал таких столпов, когда соединял миры в Сет. И я был уверен, ты чуешь пещеры...

– Не чую, – вздохнула чародейка. – Иногда я слышу их зов... Но только не здесь... – она поморщилась. – В Хаореоре так шумно... Я так устала от этого шума...

– Ну так лежи, отдохни, – поднявшись, Дзэрт приблизился к спутнице и укрыл её плащом.

– Не надо, – прошептала та, убирая его руку со своего плеча. – Жарко...

– Это ненадолго, – пообещал демон. – После жара всегда приходит озноб...

– У-у, – слабо взывала Дженна, кутаясь в плащ.

– ...Точно не помрёшь?

– Обещаю...

– Мне не нравится выражение твоего лица.

– Я вспомнила кое-что, – выдохнула Дженна. – Я уже умирала... Умирала у ног жрицы Радужной богини Тонан... – она всхлипнула. – Ишчель... Маяуэль... хранительница... Добура... говорила... Всё едино... счастье и страдания... сила и слабость... смерть и любовь...

– Эй, Дженна! Ты бредишь, – не на шутку встревоженный Дзэрт склонился к лицу девушки. – Нет, не закрывай глаза...

– Не волнуйся, – прошептала та, глядя в его расплывающееся лицо. – Я вернусь...

Дженна не хотела спать, просто её веки отяжелели. Чародейка ощутила всю накопившуюся в долгом пути усталость. Она собиралась лишь немножко отдохнуть, окунуться во тьму, как в целительные воды, как делала она, погружаясь в морскую пучину.

Но тьма вдруг обратилась зелёным полотном джунглей. Пёстрая и шумная мелодия, сотканная из птичьих и звериных голосов, обрушилась на девушку. Между листьями пальм промелькнула и растаяла золотая тень с голубыми рогами.

В следующую секунду Дженна увидела женщину. Она стояла, повернувшись спиной, но можно было различить, что одной рукой женщина прижимает к своей груди маленького ребёнка. В другой её руке был зажат кинжал.

Вот среди зелени вновь появилась золотая тень, вспыхнули огнём цветы, растущие прямо на рогах оленя. Волшебный зверь бросился на женщину. Та вскинула вверх руку с кинжалом. Острие заметалось с невероятной скоростью. Дженна ощутила в этих движениях отчаянную решимость, страстное желание защитить, уберечь – любой ценой.

Олень тщетно пытался достать женщину своими рогами цвета небесной бирюзы. В конце концов он отступил и растаял. Мать с ребёнком на руках ещё некоторое время глядела ему в след. Затем она обернулась к Дженне. Её глаза были глубокими и тёмными, как колодцы. На чёрном полотне волос ярко выделялись перья всех цветов речной воды: голубые, охристые, зелёные, синие.

«Защити моих детей, – прошептали её резко очерченные полные губы. – Защити моих детей, прошу тебя! Помоги им, и ты найдёшь то, что искала...»

С этими словами женщина вдруг вознеслась до самых небес и, прижимая к себе дитя, зашагала прочь. От неслышимой поступи великанши в земле образовывались ровные округлые провалы, заполненные водой. Затем видение заволокла тьма.

Кем была эта женщина? Почему золотой олень напал на неё? И каких детей должна была защитить чародейка?

Взбужденная внезапной догадкой, Дженна не могла больше спать и распахнула глаза. Вокруг неё сгустилась темнота. Но то была лишь темнота ночи. Свет и треск огня наполняли её живым теплом. Неподальёку искрэнне и фальшиво напевал демон. Пленительный аромат жареного мяса щекотал ноздри.

– ...Крольчатина? – Дженна сглотнула слюну.

– Угадала, – кивнул Дэзерт. – Представляешь, кролики пришли – сами, будто ручные... Ну, я и поймал нескольких – тебе и мне...

Лысоголовый силач сидел у костра, внимательно следя за кроличьими тушками, которые он зажаривал.

– Это священные зверьки богини Тонан, – прошептала Дженна, глядя на пламя.

– Мать Домна! – Дэзерт подскочил с места. – Я зажарил кроликов богини? И что же теперь будет?

– Ничего, – улыбнулась чародейка. – Тонан не разделяет жизнь и смерть... – девушка встала на колени и подползла к костру. – Скорее всего, она сама прислала кроликов нам на ужин...

– Змею к тебе тоже она послала? – прищурился демон. – Ты полдня провалялась в забытьи... Отдохнула?

– Отдохнула, – кивнула Дженна. – И увидела кое-что.

– Что-то интересное?

– Пока я не могу ответить...

– Правильно, сначала поешь. Разговоры потом.

– Приятно, когда тебя понимают, – улыбнулась чародейка.

– ...Уж сколько столетий я знаю ваше драконье племя, – усмехнулся демон.

Смеркалось, и охотничий отряд встал лагерем на пологом склоне. Они забрались, так высоко, как смогли. Дальше начинались непроходимые заросли. Из лагеря открывался вид на изумрудное море Хаореора, виднелись светлые проплешины отвоёванных у джунглей полей, чаши тсонотов² – колодцев, которые образовались, когда Амитара убегала от своего супруга, – и даже синяя лента её реки.

Охотники добыли на ужин броненосца. Более молодым членам отряда пришлось довольствоваться лесными крысами. После трапезы Таймани и нескольким другим ребятам дали задание набрать воды из ручья.

Уже совсем стемнело, когда мальчишки приблизились к говорливому горному источнику, да так и замерли, удивлённо глядя перед собой. От воды как будто исходило белое свечение. Капли брызг падали на листья и переливались, словно стайки светлячков. На дне небольших чаш, размытых ручьём, можно было различить рыбёшек и... золотые монеты.

Долговязый Накачи убежал за старшими, а Таймани между тем осмотрел окрестности. Он не был охотником, но очень внимательно слушал их разговоры. И, конечно, мальчик уже знал, как выглядят неприметные олени тропы... Одна из таких была хорошо заметна в сиянии ручья и вела вверх по его течению.

² колодец сенот

Подоспевшие мужчины выловили и изучили монеты. Сомнений не оставалось, это были те самые монеты, которые высекал своими копытами волшебный олень. Охотники долго и шумно спорили и решили, что открытие Таймани весьма ценно. Однако вести отряд по ночным джунглям никто из них не решился.

Утром же, как только мало-мальски рассвело, отряд вернулся к ручью. Каково же было удивление мужчин, когда, обойдя местность вдоль и поперёк, никто из них не нашёл и намёка на оленью тропу. Ручей сделался самым обыкновенным. Травы и лопухи, окружавшие его, стояли непримятыми. Заросли сомкнулись так плотно, будто их удерживали сами духи леса.

Вновь собравшись на совет, мужчины решили дожидаться сумерек. И вот, когда солнце опустилось за синюю ленту Амитары, горный ручей снова залился призрачным светом. Таймани, уже завоевавший некоторое уважение у охотников, без труда отыскал тайную тропу.

Отряд бодро и уверенно двинулся вверх по склону горы. Мужчины, юноши, мальчишки шли бесшумно, точно сами жители ночных джунглей. Они и считали себя таковыми. Вместо клыков и когтей им служили ножи, копья и стрелы, а природное чутьё заменял интеллект. Но считали ли их своими детьми сами леса Хаореора?

Потрескивали дрова в костре. Сияли звёзды. Переговаривались ночные джунгли.

– Твоё молчание начинает пугать... – демон поднял глаза на спутницу. – О чём ты задумалась, Дженна?

– Я не из разговорчивых... – глядя на огонь, ответила девушка. – Вот, размышляю о своём сне... – она ещё немного помолчала. – Ты знаешь, что до богини Тонан в этих землях поклонялись другим божествам?

– Я мало интересовался богами Си... Достаточно и того, что о них знал Мудрец.

– Да, он-то мне и поведал о Южном континенте незадолго до нашего отбытия из Сет. Я хорошо знаю Северный и Катан... – Дженна задумалась и нахмурилась: – Интересно, зачем он рассказывал мне это всё? О древе Времени, о дворцах Джаэруба и джунглях Добура?.. Ох, Единушка! – она возмущённо выдохнула. – Катан ведь никогда и ничего не делал просто так!

– Хм, Мудрец всегда себе на уме и не раскрывает своих замыслов до конца, – согласился Дэзерт. – Впрочем, что уж теперь говорить об этом? Ты начала рассказывать о своём сне...

– Да, – кивнула Дженна. – Так вот, река и эти леса названы в честь изначальных богов Добура. Амитара и Хаореоре были супругами. Все рыбы, рептилии, звери, птицы и прочие обитатели джунглей были их бесчисленными детьми. Но вот однажды Амитара родила странного ребёнка... Его кожа была розовой, тонкой и нежной, словно у детёныша кролика... Пищал он ничуть не лучше! Ребёнок был совершенно не готов к жизни в лесах и нуждался в материнской заботе.

– Позволь, угадаю, – скривил губы Дэзерт. – Это был первый человек...

– Верно, – улыбнулась Дженна. – Это был человек... Хотя, может быть, это был первый хранитель? Знаешь, они ведь тоже рождаются беззащитными и не помнят себя...

– Не будем, Дженн...

– Ладно, прости...

– Что же случилось дальше?

– Ребёнок был непохож на всех прочих животных, и Хаореоре решил, что это вовсе не его сын. Амитаре пришлось бежать вместе с младенцем... Но куда сбежишь, если вокруг одни джунгли – сама плоть её супруга?

– Туда, где властвуют другие боги... – безразличным тоном предложил Дэзерт.

– Вы, демоны, разбираетесь в помыслах богов, – рассмеялась Дженна. – Да, Амитара направилась на северо-восток. Она пыталась пройти через пустыню, но иссякла. Что-то не пустило её и на земли Агару. Только степи Поющих ветров радостно приняли её и провели к морю. А вот что я прочитала в библиотеке грифонов.

– Это когда ты бросила меня одного в лесу?

– Не тебя, а твоё тело, – поправила Дженна. – Так вот, оставшись без своей супруги, Хаореоре стал сильно болеть. Увидев это, радужная богиня Тонан снизошла на землю. Она упростила Амитару вернуться и в Добур: не ради мужа, но во благо своих детей... С Хаореоре богиня так и не примирилась. Но с тех пор рождённая в пущах Похобесара Амитар поит собой и Добур, и Джаэруб.

– Как же связан с этой легендой твой сон?

– Понимаешь, я видела женщину с ребёнком на руках. Необыкновенно красивую... и сильную. Она сражалась с кем-то и победила... А затем что-то сказала мне... Точно не помню уже. Что-то о защите...

– Думаешь, это была Амитар?

– Ох, не знаю...

Поход продолжался добрую часть ночи. Охотники так увлеклись, что не заметили, как померкли звёзды над их головами. Постепенно людей накрыл крошечный мрак и тишина. Сама земля Хаореора поглотила их, заманив в глубокую пещеру. Однако добурцы продолжали идти, и вскоре впереди забрезжил свет.

Через некоторое время отряд оказался в долине необычайной красоты. Невиданные доселе растения вздымались вокруг до самых небес. Стволы деревьев сияли золотом, зелень листьев и трав переливалась бирюзой. Небо же, напротив, окрасилось в зелёные оттенки. И красное солнце светило с него, серебрясь на заснеженных горных вершинах немыслимой высоты.

Цветы здесь выростали размером с человека, и бабочки, порхавшие над разноцветными лепестками, были не меньше. Зеркала озёр, разбросанные по долине, казались бездонными, а их берега искрились драгоценными камнями. И вдалеке между водоёмами все вдруг увидели силуэт золотого оленя.

Преследователи наконец обнаружили свою цель! Но, оглядевшись, Таймани пришёл в ужас. Оказалось, что из всего отряда с ним остались лишь мальчишки. Остальных же мужчин – охотников и надзирателей – больше не было.

Поначалу это даже обрадовало его приятелей. Радость от чувства свободы и азарт приключений наполнили их сердца. Мальчишки спустились к озёрам и набрали драгоценных камней. Только затем они продолжили преследование оленя, но так и не достигли его.

Сильно притомившись после бессонной ночи, дети устроили привал. Когда рубиновое солнце опустилось за лазуритовые горы и долину накрыла ночь, мальчишки уснули. А проснувшись утром, не досчитались одного из приятелей: пропал Хочо Черехаха.

Страх охватил их. Припасы подходили к концу. Спелые сочные фрукты и ягоды оказались невыносимо горькими на вкус. Озёра, окружавшие маленьких охотников, были солёными и не годились для утоления жажды. Во всей долине не нашлось ни одного пресного источника. И хотя под ногами валялись драгоценные камни, здесь было нечего пить и есть, а солнце светило слишком жарко.

Дивные красоты уже никого не прельщали, всем ужасно захотелось домой. Дети готовы были вернуться на свои поля фасоли и маиса, лишь бы остаться в живых. Тогда Таймани принял решение следовать обратно к пещере, из которой они вышли в долину. Однако и тут их подстерегала неудача. Той пещеры больше не было, а все другие заканчивались тупиками.

Следующим утром мальчишки вновь потеряли одного из друзей – Долговязого Накачи. Отчаянье стало овладевать ими. Силы были на исходе. Самый маленький и слабый Чатока Сирота и вовсе не мог встать на ноги. И только смелый Таймани не отчаивался и продолжал поиски.

Вечером третьего дня он в одиночестве направился исследовать пещеры, лежащие примерно там, где пропали охотники. Лаза между расщелинами скал, он то и дело выкрикивал имена исчезнувших друзей и призывы о помощи. Мальчик взывал к богине Амитаре, не жалея голоса. Он кричал что есть сил, надеясь, что хоть кто-нибудь услышит его.

Таймани не желал поверить, что всех его приятелей постигла смерть. Он не желал мириться со своей судьбой, надеясь, что кто-нибудь из внешнего мира услышит его призывы.

– Твоя нога всё ещё молчит? – уточнила Дженна.

Почти на четвереньках они взбирались вверх по узкой сыпучей тропке, идущей вдоль ручья.

– Помалкивает, – уже в сотый раз ответил Дээрт.

– Жаль, – девушка остановилась, чтобы отдышаться и оглядеться.

Они поднялись достаточно высоко. Растительность здесь была уже не столь густой, всё чаще попадались каменистые выступы, между которыми били ледяные источники. От ручья открывался восхитительный вид на джунгли. Небо расчерчивали редкие облака, напоминающие перья из наряда богини Тонан. Оранжевый шар солнца медленно опускался, заливая леса и далёкую реку жидким золотом.

– А ты не думаешь, что мы слишком далеко ушли от реки, и здесь сила Амитары уже не действует? – проговорил демон.

– Боюсь, что ты прав, – вздохнула Дженна.

– Скоро стемнеет, – заметил Дээрт. – Надо бы подумать о привале.

Чародейка отвела взгляд от реки и, подняв голову, посмотрела на гору.

– Нужно найти укрытие. Уже несколько ночей подряд я чувю близость крупного хищника. Да-да, я знаю, – усмехнулась Дженна своему спутнику, – тебе ничего не стоит расправиться с ягуаром, но давай не будем убивать без... – Она вдруг умолкла и нахмурилась. – Слышишь?

– Нет, – мотнул головой демон.

– Какой странный язык... – прошептала девушка. – Амитаря! Кто-то произносит имя Амитары!

– Ничего не слышу...

– Ш-ш... – Дженна встала на колени и припала ухом к земле. – Детский голос... Он зовёт на помощь... Будто изнутри этой горы...

– Солнце садится, – напомнил Дээрт, повеселев. – Всё-таки мне придётся убить ту кошку... Наконец-то сражение!

Далеко на востоке джунгли поглотили дневное светило, путников окутали сумерки. И в этот миг случилось странное – ручей, бегущий между камнями, вдруг залился едва различимым и всё же видимым белым светом. Чем темнее становилось вокруг, тем ярче сияла вода.

– Наконец-то нашла, – провозгласила Дженна, вскакивая на ноги.

– Теперь и я это чувствую, – прорычал Дээрт. – О, Домна! Какая мощь! Царства людей и духов сливаются здесь воедино... Мне больше не нужно использовать это нелепое глиняное тело!

– Вперёд же, владыка демонов! – улыбнулась чародейка, оглянувшись на своего пламенеющего спутника.

Ни с чем Таймани вернулся в пещеру, где осталось трое его друзей. Ребята сидели вокруг костра, и лица их были мрачнее мрачного. Хотя все ужасно устали, проголодались и страдали от жажды, они боялись закрыть глаза хотя бы на миг. Мальчишки с нескрываемым отчаянием поглядывали друг на друга. Никто уже не доверял караульным, каждому из них казалось, что он сам за себя.

Разозлившись, Таймани выбежал из пещеры и крикнул в темноту:

– Что мы сделали тебе? Мы все играли с тобой, когда ты приходил на поля, и никто не желал тебе зла! Свобода – вот всё, что нам было нужно! Отпусти нас, и мы больше никогда не вернёмся в твои владения! Слышишь?..

Ночь озарилась золотым сиянием. Из чаши леса вышел высокий тонконогий олень. Цветы в его рогах полыхали живым огнём.

– Приветствую тебя! – обратился к нему Таймани. – Прости, если мы провинились перед тобой...

Мальчик умолк. В этот миг олень приподнял верхнюю губу, будто ягуар, демонстрируя столь же острые клыки. Таймани всхлипнул и вытащил из-за пояса свой нож. За его спиной собрались другие дети. Он ощущал их безмолвный страх, нет – ужас...

Олень снова оскалился и зашипел, точно ядовитая змея. Выставив вперёд свои огромные рога, он прыгнул на Таймани. Мальчик взмахнул ножом – и вдруг обнаружил себя лежащим в траве. Кто-то схватил его и отбросил в сторону. В то же время маленький охотник услышал мощный удар и вопль.

Оглянувшись туда, где он только что готовился принять бой, Таймани увидел чудовище, которое могло бы присниться лишь в самых страшных кошмарах. Нечто, похожее одновременно на буйвола, крокодила и ягуара, схватилось с золотым оленем! Противники рычали, мычали и шипели, осыпая друг друга ударами. Клацали их клыки, бились рога о рога...

– Вставай! – скомандовал чей-то высокий голос над ухом Таймани, и тонкая, но сильная рука схватила его за плечо. – Дэзерт не сможет сдерживать его вечно, нужно выбираться отсюда!

Таймани не стал мешкать. Он быстро взял переданную ему верёвку и побежал в пещеру следом за незнакомкой. Девушка помогла ему обвязать всех мальчишек. Когда они образовали неразрывную вереницу, она подхватила на руки самого слабенького и поманила всех в тень, созданную на стене огнём костра.

Таймани оторопел: девушка шагнула вперёд и волшебным образом растворилась в камне.

– Вперёд, вперёд! – подбодрил своих друзей мальчик. – Ничего не бойтесь... – уже тише добавил он, потому что и сам умирал от страха.

Перед тем как войти в тень, Таймани в последний раз обернулся. Уже не звери, но бесформенные великаны бились друг с другом. Тьма ночи будто расступилась вокруг них, и стало видно, что один из противников был подобен вихрю, составленному из зелени и цветов, а другой – словно пожар и песчаная буря одновременно.

Когда они выбрались во внешний мир, ещё было темно. Увидев вокруг себя обычные джунгли, дети начали плакать и смеяться, обнимая друг друга ослабевшими руками. Затем, совершенно обессиленные, они упали на землю и застонали, так им хотелось есть и пить.

Тогда Дженна собрала их фляги и, наполнив водой, вернула обратно. Она раздала детям все припасы, какие у неё только оставались: вяленое мясо снежных быков из Диких земель, засахаренные орехи и сладкие лепёшки из водяного каштана, которыми её угощали в Калосе.

Наевшиеся и уставшие мальчишки заснули под её негромкий ласковый голос. Всю оставшуюся ночь чародейка мурлыкала им колыбельные, которые она пела для своей маленькой Май. Она рассказывала детям о далёких землях, высоких скалах, бескрайних морях, лесах, пустынях... и о ветре, который был волен летать там, где ему только вздумается.

Ближе к рассвету появился Дэзерт. Демон был едва жив, но страшно доволен. Бесформенной массой он разлился по земле рядом с глиняным истуканом, который служил ему телом.

– ...Ну что, навоевался? – смеясь, поинтересовалась Дженна мысленно. – Победил ты Хаореоре?

– Навоевался, – ответил Дэзерт. – Но до богов мне далеко. Впрочем, ты почти угадала. Это был не сам Хаореоре, но одна из его сил... Клянусь, он был рад встретить достойного

противника! Мы знатно потрепали друг друга и разошлись. Это была отличная битва. Ну, а ты? Нашла, что искала?

– Совершенно об этом забыла! – спохватилась Дженна. – Всё произошло так быстро! Мы едва успели спасти детей... Я даже не вспомнила о цели пути...

– Забодай тебя Мири, Джэнн! – вздохнул демон. – И что же, нам опять туда возвращаться? Ты хоть представляешь, как встретит нас тот дух? Лучшее всего будет к следующей ночи нам перебраться поближе к реке под защиту Амитары...

– Забодай меня Мири, – печально согласилась с ним чародейка.

– ...Вы что, разговариваете? – вдруг услышала она таинственный мальчишеский шёпот.

Оказалось, что самый смелый из детей – тот, что не побоялся выйти к золотому оленю, – уже проснулся и теперь наблюдает за чародейкой и её странным приятелем.

– Ты сообразительный парень, – улыбнулась ему Дженна.

– Меня зовут Таймани... – представился мальчик. У него были тёмные пытливые глаза, недлинные чёрные волосы, едва достающие до худеньких плеч, и широкая коротко остриженная чёлка. – Таймани Каменные руки...

– А я Дженна... – кивнула ему чародейка.

– А ты... – мальчик с уважением посмотрел на глиняную куклу. – Ты Дэзерт? Ты сражался с оленем...

– И победил, – важно добавил демон.

– Ты очень сильный, – мальчик подался ближе к странникам. – Вы необычно выглядите... Твоя коса, Дженна, как золото, а у Дэзерта совсем нет волос! Должно быть, вы явились изда-лека?

– Мы пришли от ледяных Клыков Салжу, – ответила Дженна. – А до того были в Калосе и Джаэрубе. Мы странствуем по миру, приумножаем знания, слушаем сказки.

– Клыки Салжу, Калос, Джаэруб – я даже не слышал о таких городах! – изумлённо проговорил Таймани.

– Это не города, а целые королевства, – объяснила Дженна. – Как Добур.

– А ты, Дэзерт, алуш? – спросил мальчик. – Глиняная кукла, в которой живёт дух? Я видел тебя без тела... Ты красивый... похож на огонь и песок.

Демон смог лишь что-то смущённо пробубнить, слишком занятый перевоплощением.

– Да, ты прав, Таймани, – ответила за него Дженна. – Мой спутник – дух-защитник.

– Значит, ты шаманка, говорящая с духами, – заключил Таймани, переведя взгляд на девушку.

– Можно и так сказать, – согласилась та.

– Дженна, я должен поблагодарить вас обоих за спасение! – чуть громче необходимого объявил мальчик, но его уснувшие друзья спали на удивление крепко. – Если бы не вы...

– ...Это наша работа, – раздалось от глиняной куклы, которая постепенно принимала вид обыкновенного мужчины.

– Я услышала, как ты зовёшь на помощь, – пояснила Дженна. – Ты молодец, что стал кричать, иначе бы мы не нашли вас. Но расскажи, что случилось? Как вы угодили в ту пещеру?

Таймани рассказал всё, как было. Дженна слушала внимательно и не перебивала. А когда мальчик закончил, то заметил, что девушка вдруг склонила голову, будто расстроилась.

– Что тебя опечалило? – спросил Таймани.

– Понимаешь, я интересуюсь не только сказками, но и кое-чем ещё, – чародейка вздохнула. – Много месяцев я ищу такие волшебные пещеры и собираю в них семена... камни. Когда у меня будут все семь камней, я смогу сложить важное заклятие и вернуться туда, где меня... очень ждут. Однако в этот раз я не успела подобрать не то что камня, но даже пылинки...

– Мой народ верит, что когда-то все люди этого мира вышли из семи пещер, – задумчиво проговорил Таймани. – Эти семь пещер составляют одно древо – Великое древо Жизни.

Дженна подняла на собеседника сверкнувшие глаза:

– Ваши легенды говорят правду! То же говорят и старинные рукописи Калоса! Мне нужно составить само древо Жизни... Поднявшись по его стволу, пройдя путь в обратную сторону, я смогу попасть туда, куда так стремлюсь...

– Ты странница, но хочешь попасть домой, так? – спросил мальчик.

– Верно, – прошептала Дженна. – Я очень хочу попасть туда, где меня ждёт мой возлюбленный...

– ...А что за камни тебе нужны для этого? – оживился Таймани. – Знаешь, ведь мы с друзьями набрали в той долине много красивых камней... – Он порылся в своей сумке и высыпал на землю горстку бирюзы. – Их было много на берегу озера... Синие, голубые, зелёные... Если эти не подходят, то я попрошу у ребят... Они с радостью отдадут свои камни, ты ведь спасла нам жизнь.

Дженна медленно провела ладонью над камнями. Её лицо при этом оживилось и посветлело. Обыкновенная с виду бирюза пульсировала великой силой. Рисунок её витали не мог принадлежать холодному неподвижному камню, в нём скрывался потенциал, который хранят в себе зёрна.

– Ох, Единушка! – выдохнула чародейка. – Ты прав, Таймани, это те самые камушки! Знай же, что они стоят гораздо больше, чем простая бирюза... Если захочешь их продать, иди не к обычным торговцам, а к шаманам... Я возьму у тебя пару камней, остальные пусть принесут тебе удачу.

– Удачу, говоришь? – пошутил демон. – Может, так и назовём эту пещеру?

– Хазаон, – согласно кивнула Дженна. – На элибирском значит «удача»...

– Значит, теперь ты сможешь найти любимого? – обрадовался Таймани.

– Да, – кивнула чародейка. – По крайней мере, теперь я на один шаг ближе к нему...

– А у меня никого не осталось, – с грустью поведал Таймани. – Матушка с отцом давно ушли за Радугу. А возвращаться туда, где я жил, мне совсем не хочется...

– ...Пойдём с нами, – вдруг предложил Дээрт.

Дженна бросила на демона удивлённый взгляд и согласно кивнула:

– И правда, пойдём с нами. Мы направляемся в Джаэруб, а дальше, как знать...

– Благодарю за предложение, – важно ответил Таймани. – Но я всегда мечтал увидеть город Бурунулар – столицу Добура, владения Радужной богини Тонан и её младшей сестры Тотетаха.

– Тотетаха? – переспросила чародейка. – Никогда не слышала о ней... Расскажи мне.

– Солёная Тотетаха покровительствует искусствам, особенно приготовлению пищи, – начал Тамани.

– О, тогда я готов тут же преклонить пред ней оба колена! – воодушевлённо сообщил Дээрт.

Мальчик рассмеялся и согласно кивнул.

– Однако судьба её была непростой, – продолжил он. – Когда-то в незапамятные времена, когда боги ходили по земле вместе с людьми, богиня жила с мужем в самой обыкновенной деревенской хижине, сделанной из соломы и листьев. Ничем не отличался их быт от людского, кроме того, что пища, которую готовила Тотетаха, была самой вкусной. Соседские женщины изо всех сил пытались выведать её секрет и не могли этого сделать. Однако однажды секрет раскрыл муж богини. Случайно он подглядел, как после омовения Тотетаха собирает капельки воды со своего тела. На её ладонях те высыхали и обращались в белые крупички. Это была соль. Её богиня и добавляла в пищу тогда, как другие пользовались древесной золой...

– Это значит, что всякая солёная пища имеет вкус тела богини, – с восторгом прокомментировал Дээрт. – Клянусь, я буду вечно превозносить добурских богинь в своих молитвах!

– Разве ты молишься? – нахмурилась Дженна.

На её вопрос демон лишь хитро усмехнулся.

– Но, увы, вместо того, чтобы обрадоваться, муж Тотетахи принялся избивать её, – вздохнул рассказчик. – Так он надеялся изгнать из её тела вкус соли, чтобы его супруга стала такой же, как все женщины... Он бил её так сильно, что богиня начала плакать горькими слезами. Мать соли была оскорблена и сильно разгневалась. И тогда небо затянуло грозowymi тучами, и хлынул дождь. Он лил так сильно, что образовалось множество новых рек и озёр. По одной из них богиня Тотетаха уплыла к морю Гореш, где её тело смешалось с его влагой... И с тех пор моря получили вкус тела богини соли, а самую драгоценную соль люди теперь добывают тяжёлым трудом или покупают за деньги.

– Печальная и поучительная история, – проговорила Дженна, когда Таймани закончил своё повествование. – Как жаль, что мы не можем жить в ладу друг с другом и богами... Значит, ты отправишься в Бурунулар?

Таймани кивнул:

– Ты была там, Дженна?

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка. – И мне бы очень хотелось посмотреть на столицу... Но, боюсь, в Бурунуларе живёт кое-кто из моих знакомых, кому я никак не могу показаться на глаза.

– Что ж, жаль... – опечалился мальчик. – Я был бы рад вашему обществу. И мне бы очень хотелось послушать твои истории, Дженна.

– Ну, одну из них я ещё успею тебе рассказать, – улыбнулась девушка.

– Ах, Матерь Амитар! – обрадовался Таймани. – Если это не затруднит тебя, Дженна...

– Я буду счастлива, – смущённо нахмурилась девушка. – Но о чём бы мне тебе рассказать? – она задумалась на миг. – К примеру, знаешь ли ты, что Дикие земли большей частью покрыты глубокими белыми снегами? Они похожи на соль, однако это вода, которая замёрзла на небе и превратилась в крохотные кристаллики, искрящиеся в свете солнца и луны, словно драгоценные камни...

– О, должно быть, тяжело ходить по такой красоте ногами? – охнул Таймани.

– Да, ты прав, – подтвердила Дженна. – Жители Юга ходят по снегу, привязав к ногам длинные палки... полозья – лыжи. Кажется, это не очень-то удобно, но с помощью лыж умелые охотники Юга развивают такую скорость, что догоняют волков и даже медведей, которые не могут так же легко бежать по глубокому снегу! А ещё южане катаются таким образом на оленях. Они запрягают приручённых животных, хватаются за повод и едут за ними, стоя на лыжах! Это очень весело! Мне посчастливилось познакомиться с самой ловкой и быстрой лыжницей по имени Вольга... Она немного старше тебя и такая же смелая. Как и тебе, Вольге пришлось столкнуться со злым духом...

– Дээрт... ты и правда хотел, чтобы Таймани пошёл с нами? – спросила Дженна, когда они расстались с мальчишками.

Все ребята, воодушевлённые обрётённой свободой и тяжестью своих сумок, в которые они набрали камушков, решили идти на север к столице Добура на поиски удачи. Отважный Таймани Каменные руки повёл их вперёд без малейшего колебания.

Чародейка же некоторое время раздумывала, не пойти ли ей с мальчишками. Поначалу девушку смущал общий возраст отряда. Как можно отпускать четверых детей в дикие джунгли? Но, поразмыслив хорошенько и посмотрев на детей внутренним взором, Дженна успокоилась. Скорее уж ей грозила опасность в этих краях, нежели этим ребятам. Рождённые вблизи от места силы, они были особенными детьми.

– Да, – коротко кивнул Дээрт. – Мне понравился этот парень... Клянусь Домной, он был готов идти со своим ножичком в бой на древнего духа! Вот это отвага и безумие!

– Ты ему тоже понравился, – припомнила Дженна.

- Это было... приятно, – улыбнулся демон.
- Кстати говоря, Дэз... – уже тише произнесла Дженна. – Я забыла тебя поблагодарить...
- Это за что же?
- Йон-Йон сказал, что ты спас его в битве на Вересковом поле...
- Так об этом меня Мудрец попросил... – равнодушно пробубнил демон.
- Катан прямо так и попросил? – Дженна внимательно посмотрела на собеседника.
- ...Ну, – замялся тот. – Он дал понять это... косвенно.
- Почему-то после истории с Таймани я так и подумала, – хихикнула чародейка.
- Хм...
- Спасибо, Дэз.
- Ты что-то задумала? – прищурился мужчина. – Почему ты так пристально глядишь на меня?
- Да вот размышляю, – вздохнула Дженна. – С каждым найденным камнем моя сила возрастает... Пожалуй, теперь я готова вернуться к перевоплощениям. И...
- И? Изгонишь меня в Миркир, а сама обратишься птицей и полетишь на Восток?
- Нет... Мне ужасно интересно, каково это – быть женщиной?

4 Охотница Вольга и царица Луна

Она бежала сквозь заснеженное редколесье. Вольга по прозвищу Ветер была быстрая, словно ветер, дующий с гор на океанское побережье. Она была ловкая, точно белая лисица тундры, и тихая, будто ночная сова. Подбитые камусом³ полозья её лыж скользили плавно и уверенно. Палки каждый раз находили верную опору для толчка.

Низкие сосенки, одетые в пышные белые шапки, проносились мимо. Звёздный свет переливался на полотне снега и играл радугой в каждом кристалле. Мороз сковал льдом травы и кустарники. Величественные Клыки древнего Салжу царили в синей вышине.

Но девушка не видела этой красоты. Все её мысли занимала дорога. Вольга должна была достичь дома до восхода луны...

«Скорее, скорее... Поторопись! – будто шептали Вольге духи её предков. – Она идёт... Она совсем близко...»

Шелестела снежная позёмка. Тревожно поскрипывали трущиеся друг о друга ветви деревьев. Где-то вдалеке запел волк. Пронзительный вой покатился вдоль тундры вместе с ветром. Ледяной порыв ударил Вольге в лицо. На миг девушка ослепла и задохнулась. Однако она уловила знак духов.

«Прячься! Прячься! – говорили они. – Скорее ищи убежище!»

Протерев слезящиеся от ветра глаза, Вольга бросила быстрый взгляд на небо и неслышно всхлипнула. Синий купол медленно наливался светом. Луна приближалась.

Ветер была самой быстрой лыжницей в своём племени, и всё же она не успевала. Дальше бежать было бесполезно. Это был конец её пути.

Оглядевшись, Вольга нашла достаточно большую – в рост человека – сосну, согнувшуюся под снежным одеянием. Не медля, лыжница повернула к ней. Достигнув цели, она остановилась, резко развернувшись боком и запорошив свои следы волной снега. Об остальных её следах девушка доверила заботу брату ветру.

Очень быстро Вольга сняла лыжи, лук, бросила их и палки под дерево. Сама накинута на голову белый меховой капюшон. Плотнее укутавшись в шубу, она забралась под лапы сосны и закопалась в снег, оставив небольшое отверстие для воздуха.

«Она идёт... идёт... наступает... – звенели небеса, шептали снежинки, завывал ветер, пищали где-то в глубине сугробов мыши. – Прячься... прячься... хоронись...»

Холодный свет залил ночную синь. Зелёные водопады ночной зари хлынули с неба. Народы Салжу считали, что это безмолвные голоса душ усопших обращаются к своим потомкам – предупреждение от прародителей о надвигающейся беде.

Вольга вся съёжилась под снегом и зажмурилась, стараясь дышать как можно тише. Чтобы сдержать страх и холод снаружи, девушка обратилась мыслью к своему дому. Она представила оранжевый огонь в очаге, увидела пушистые шкуры над алтарём и деревянные лики предков перед ними. Она вспомнила такой забавный детский лепет младшего брата и колыбельную, которую ему пела их матушка.

Матушка наверняка уже приготовила жирную мясную похлёбку. Самые большие куски мяса обычно доставались мужьям-охотникам. Но Вольга охотилась не хуже мужчин, поэтому имела право трапезничать вместе с ними.

Девушка почувствовала в руках обжигающую лепёшку, ощутила её рассыпающуюся во рту сладкую мякоть. Ах, какие её матушка печёт лепёшки с зеленью и орешками.

³ шкурка, снятая с ног (с голени) северного оленя, лося или лошади.

Вольга вспомнила смех Заира и слова, которые говорил ей юноша. Он называл Вольгу красавицей. Девушка знала, что она сильная, смелая, ловкая и умная. Но только Заир говорил, что она ещё и очень красивая.

Хотя юноша вообще много разговаривал и часто делал это просто так, чтобы развеять тишину. Но зато какой весёлый был у него смех. И глаза – голубые и ясные, как небо.

Молодой, но уже заслуживший уважение старших Каил Волк тоже посматривал на Вольгу. Он делал это крайне редко, зато от его взгляда у той кровь прилиwała к щекам. Юноша был молчалив, если не сказать угрюм, зато очень трудолюбив. Он мог бы стать её мужем.

Матушка всегда говорила Вольге, что у неё будет много мужей. Так уж заведено в их племени. Одна женщина может выйти замуж за братьев, чтоб приумножить благосостояние семьи. К тому же женщин в их деревне было гораздо меньше мужчин.

Вольге это казалось несправедливым. Если у неё будет много мужей, то придётся и много готовить на всех! А если она будет всё время готовить, то когда ей охотиться?

Нет, пожалуй, пусть её мужем станет Заир, у него не было братьев. Его красавица матушка сгинула в тундре. Ну, может быть, Каил. Тот и вовсе был сиротой.

Да, так оно и будет. Если, конечно, Вольга доживёт до свадебного возраста. Если она не сгинет в тундре, как это случилось с её сестрой.

Старшая, Наэн Голубое небо, – вот кто несомненно была красавицей! Наэн слыла самой красивой в их племени! Вольга всегда восхищалась её плавной походкой и мягким, словно летний ручей, голосом. От улыбки Наэн, казалось, таяли льдинки на озерце и расцветали подснежники.

Но таких прекрасных дев и подстерегает самая большая опасность...

Ледяные объятия стискивали худенькое тело Вольги. Холод быстро пробирался под толстые кожи и меха. Он кусал за пальцы ног и рук, вгрызался в спину и бёдра. И всё же участь замёрзнуть страшила юную лыжницу гораздо меньше.

Лучше было уснуть на веки вечные, чем стать рабой у царицы Луны.

– С каждым днём становится всё холоднее, – проворчал Дэзерт, кутаясь в шубу. – Вода замёрзшая вокруг... Темнота эта вечная... Куда подевался день?

И без того громадный, в шубе демон походил на настоящего снежного великана. Особенно он выделялся на фоне салжусцев – невысоких круглолицых людей с длинными светлыми косами и узкими карими глазами.

– Это называется полярной ночью, – объяснила Дженна тоном, которым она могла бы обратиться к умбелейскому школьнику, а не к тысячелетнему демону. – Здесь, насколько я слышала, она длится около шести месяцев, – это время беременности у самки оленя. Через полгода Рогатая Матерь Небо разродится солнышком. И снова наступит день.

– Как можно жить без солнца полгода? – нахмурил лоб Дэзерт. – Даже в царстве демонов есть светило...

– Я двенадцать лет жила без солнца и даже без неба... – негромко рассмеялась Дженна.

– И это очень многое объясняет, – хмыкнул демон.

Путники устроились у костра, разведённого в центре деревни. Жаркое пламя поднималось выше человеческого роста. Оно пело и танцевало, лаская их обветренные лица своим теплом. От огромного котла, стоящего чуть поодаль, шёл соблазнительный аромат варёного мяса.

Салжусцы знали, как жестоки их края. Своих охотников, вернувшихся с промысла, и путников, которые очень редко появлялись в их деревне, они встречали горячим питьём и простыми, но сытными кушаньями.

В кольце вокруг костра сидели местные жители и ещё двое странников. Судя по эльфийскому разрезу глаз, а большего видно не было за шубами и шапками, они были уроженцам

пущи Похонбесара. Тамошние травники иногда заходили на дальний Юг в поисках лишайников особенной силы.

Путь от Лиара дался Дженне и демону непросто. Почти весь он проходил по белой пустыне, в которой порой нельзя было отыскать не то что дерева, но даже травинки для костра. Ближе к Клыкам Салжу царствовали лишь ветер да снег. Конечно, путники запаслись провизией, но вот с водой их ждали трудности.

Дженна была слишком слаба, чтобы призвать волшебное пламя. Снег приходилось растапливать в ладонях и во рту очень маленькими частями. Силы путников были на исходе. Чародейка готова была повернуть обратно, когда они вошли в редколесье. А затем им, наконец, встретилось и кочевое племя.

Быт народов Салжу сильно отличался от жизни в пущах Похонбесара. Оленеводы часто переходили с места на место, а их дома следовали за ними. Конусообразные постройки хорошо выдерживали натиски ветра. Обтянутые оленьими шкурами, они легко собирались и разбирались.

Главным божествами кочевников были рогатая богиня Матерь Небо и великий Отец древний Салжу – саблезубый, но безрогий олень. Отец в противоположность Матери представлял стихию земли. Это его белоснежные клыки замыкали цепью гор южную оконечность материка. Более завораживающих вершин и острых пиков Дженна не видела, даже пролетая над Аркхом!

Деревню кочевников окружали стада оленей. Животные отличались серебристой шерстью, широкими копытами для хождения по снегу и массивными рогами. Салжусцы были полностью зависимы от них. Люди ездили на оленях, ели их мясо, использовали и кости, и шкуры, и рога. Последние – панты – они использовали, как средство от болезней, для укрепления силы духа и тела.

– Ох, ты только погляди, – охнул Дэзерт, запрокинув голову вверх.

Дженна ещё раньше демона услышала, как переменялась мелодия в голосах кочевников, и уже смотрела в небо. Полярное сияние зеленоватой рекой струилось сквозь всю его ширь. Но, хотя зрелище было прекрасным, чародейка уловила тревогу в настроении салжусцев.

Как раз в это время прибыла новая группа охотников из шести человек. Не успели мужчины снять лыжи, как какая-то женщина с грудным младенцем на руках бросилась к ним.

– ...Вольга, где моя Вольга? – чуть не со слезами вопрошала она, то и дело поглядывая на небо.

– Прости, матушка, но Ветер была не с нами, – виновато ответил ей один из юношей, тоже немало встревоженным голосом.

– Да как же так, Заир, – причитала женщина, прижимая к себе ребёнка. – Как же так... Ты ведь видишь, – она снова посмотрела на сияние, – предки предвещают беду... Беду!

– ...Дженна, мы чуть не сдохли в этих краях, – напомнил девушке Дэзерт на элибрийском языке, заметив её взгляд. – Даже не смей поднимать свою маленькую попку с этого нагретого местечка...

– Я и не собираюсь, хрен ты глиняный, – так же по-элибрийски процедила чародейка. – Я сама окажусь в беде, если срочно не глотну горячего бульона...

Тем временем варево в котле начали разливать по плошкам, и хозяйки пошли вдоль сидящих в кругу, раздавая им горячую еду.

– Благодарю, – коротко улыбнулась Дженна, принимая миску с похлёбкой из рук пожилой салжуски.

Ей показалось, что варево из оленьего мяса пахнет прекрасней всего, что есть на свете. Посудина с толстыми глиняными стенками приятно обжигала руки. В тёмном бульоне, словно солнышки, поблёскивали жирилки, и плавало небольшое золотисто-красчатое яйцо, сваренное прямо в скорлупе.

Подняв взгляд на хозяйку, чародейка увидела, что та всё ещё смотрит на неё. На плечах женщины лежали тонкие длинные косы цвета серебра. В узких голубых глазах застыл немой вопрос.

Вновь присмотревшись к витали яйца, Дженна отметила, что оно принадлежит явно хищной птице. Неужели соколиное? Последний сокол, попавшийся ей на глаза, обитал в Похобесарской пуще. Почему салжуска подала ей такое редкое кушанье? Уж не почуяла ли чего?

Держа в одной руке миску, Дженна, помогая себе зубами, стянула с другой руки варежку. Осторожно окунув два пальца в горячий бульон, девушка извлекла яйцо. Желудок её скрутило от голода, от густого запаха еды и предвкушения скорой трапезы рот наполнился слюной.

– Простите, – прошептала Дженна, протягивая яйцо женщине. – Я понимаю, что могу вас оскорбить... Я чужестранка, не знаю ваших традиций... – запинаясь, она виновато опустила голову. – Но я не могу съесть это... Я не ем яиц...

– Ты с ума сошла, что ли? – фыркнул рядом Дэзерт, уминая свою порцию мяса.

– Я понимаю, что это не очень умно, я же ем пироги из теста и яиц и другие блюда, – Дженна сморщила лицо. – Но я не могу есть сами яйца... Яйцо... Это неродившийся ребёнок...

Не была бы она так сильно обезвожена, наверняка бы разревелась. И вызвала бы ещё больше издевательств со стороны спутника. Однако, к удивлению чародейки, Дэзерт внезапно переменял свой тон.

– Прости, Дженн, – тихо буркнул мужчина. – Я всё время забываю, как *вы* относитесь к детям...

Женщина тем временем молча приняла яйцо назад. По её широкому морщинистому лицу с тяжёлыми веками и мягким губам нельзя было сказать, обидела ли её Дженна или нет. Салжуска осторожно зажала яйцо между своими ладонями. Её маленькие руки были обнажены. Сухая кожа покраснелась от мороза. Когда же женщина раскрыла ладони, они оказались пустыми.

Дженна удивлённо подняла брови и улыбнулась – широко, как в детстве. Как будто бы она не была чародейкой все эти годы, не знала волшебства и чудес. И ведь фокус можно было сделать проще простого, но девушке в этот миг показалось, что мир замер и затих. Что случилось нечто очень важное.

Пожилая женщина ответила слабой улыбкой и удалилась. Дженна перевела взгляд на небо. Ей вспомнился её первый полёт в высях Ферихаль. Чёрный коршун был строгим учителем. Сайрон не раз упрекал чародейку за то, что она излишне полагается на свой ум. А вот сокол Финист, этот юноша с глазами, как вечернее небо, расцвеченное янтарными всполохами заходящего солнца, раскрыл её сердце небесам. Ах, как весело они резвились в облаках и радугах над лесами Су...

Внезапно до Дженны вновь донеслись причитания. Она оставила свои воспоминания и обернулась к матери с ребёнком на руках. Подруги уговаривали её поесть и утешали, как могли. Но та всё глядела на полярное сияние и прижимала к себе уснувшего малыша.

В это время рядом с Дэзертом уселся один из охотников. Этого юношу с редким для салжусцев голубым цветом глаз, кажется, звали Заир. Дженна бросила на него взгляд и, тяжело вздохнув, уткнулась в свою миску.

Демон, закончивший с трапезой, уловил напряжение спутницы. Он посмотрел вначале на неё, потом перевёл взгляд на охотника. И снова задумчиво взглянул на чародейку, фыркнул и покачал головой.

– Привет, – обратился он к юноше. – Меня Дэзерт зовут. Слушай, чего там у вас случилось? Я слышал, вроде как пропал кто-то... Может, помощь вам нужна?

Голубоглазый салжусец нахмурился, но ответил:

– Приветствую... Я Заир. Благодарю покорно, Дэзерт. Если ты не владеешь силой пламени, то навряд ли сможешь помочь...

– Если б кое-кто поделился со мной своими волосами, у меня бы были силы, – вновь на элибрийском огрызнулся в сторону Дженны демон. – Да и в метель было бы не так паршиво без ресниц и бровей...

– Я больше не отдам ни одному демону даже капли своей силы, – строго произнесла чародейка. – Спроси, для чего им нужен огонь.

– Заир, ну, допустим, я всегда могу понести факел, – притворился дурачком Дэзерт. – Для чего нам нужен огонь? Диких зверей отгонять? Так я могу кого угодно голыми руками порвать. Ты только скажи, кого.

Молодой охотник невесело усмехнулся:

– Боюсь, даже твоих могучих рук нам будет маловато. Не дикие звери страшат наше племя. И не просто факел нужен, чтобы прогнать царицу Луну. Даже свет домашнего очага порой не спасает от неё... – Заир устремил взгляд на огромный костёр. – Не зря мы разводим в такие ночи этот огонь! Бывали случаи, когда царица заходила в дома. Каждый раз она забирает себе в служанки самых красивых девушек. Так пропала старшая сестра Вольги... Если теперь настал черёд и Ветра, боюсь, её матушка потеряет разум от горя...

– ...Кто такая царица Луна? – не выдержав, вмешалась в разговор Дженна.

– Луна, – просто ответил Заир, кивнув на небо. – В самые тёмные ночи Луна спускается на землю и забирает себе в рабыни самых красивых девушек... Даже свет наших предков не способен остановить её! Но он хотя бы может предупредить нас...

– Забирает самых красивых девушек? Это возмутительно, – заявил Дэзерт, гневно посмотрев на небо, будто и вправду решив сразиться с самим ночным светилом.

– Это какой-нибудь очередной злой дух типа Ледяницы, – объяснила ему Дженна на элибрийском и продолжила уже на местном диалекте: – Скажи, Заир, а удавалось ли кому-нибудь вернуться от царицы?

– Нет, – покачал головой юноша. – Говорят, что рабыни лишаются своей памяти. Забывают дом, родных и дорогу назад... – он задумался. – В детстве я слышал историю, как один охотник одиночка нашёл свою сестру где-то в горах... И хотя она пропала много лет назад, тело её было мягким, будто она погибла совсем недавно. Возможно, ей удалось сбежать, но она не смогла вспомнить дорогу домой.

– А можно ли узнать, где именно в горах это случилось? – уточнила чародейка, после горячей похлёбки внезапно преисполнившись решимости.

– Я не знаю, но могу поспрашивать у стариков, – пожал плечами Заир. – Однако зачем? Если никто из вас не владеет силой пламени, поход в горы – смертоубийство...

– Я с вами, – раздался мужской голос за их спинами, и ещё один молодой парень сел рядом с Дженной. – Я с вами, – негромко повторил он, не глядя на путников. – Куда бы вы ни пошли в поисках Вольги, я иду тоже.

– Это бесполезно, Каил, – обратился к юноше Заир. – Наш отряд пришёл в деревню последним. Если бы мы могли, то отыскали бы Вольгу... Скорее всего царица Луна уже забрала её в небесные чертоги.

– Мне нет дела до твоего слова, – сухо ответил Каил. – Слишком много их улетает на ветер...

– Могу и с тобой поделиться, Волк, – рассмеялся Заир.

– Заир, ты сказал, что та девушка из истории пропала много лет назад, но, когда её нашли, оказалось, что она погибла недавно, – вмешалась Дженна. – Если рабыни живы, то почему до сих пор никто не пытался отыскать замок царицы Луны и спасти её пленниц?

– Это безумие, – усмехнулся Заир.

– Луна живёт в небесных чертогах, – задумчиво проговорил Каил. – Как можно попасть на небо?

– Я уверена, что рабыни из плоти и крови не смогли бы подняться на небо, – объяснила чародейка. – Но они могли подняться в горы...

– ...Ты что, собралась идти дальше на юг? – уточнил у Дженны Дэзерг на элибрийском. – Забудь об этом! Тебе не хватит тепла, драконица. Ты не можешь даже почерпнуть силу у солнца! Его здесь нет!

– Ты ведь знаешь, что бестелесные духи проявляются в плотном мире в местах силы, – ответила ему чародейка. – Дух, который вошёл в легенды этих людей, обладает необыкновенной силой... А сила – признак нужной нам пещеры. Найдём девушку, найдём семена... И я смогу распалить своё пламя.

– Если моё тело развалится по дороге, ты не наскребёшь в этих снегах и комка глины, – предупредил Дэзерг.

– Скатаю тебя из снега, – рассмеялась Дженна.

– Из замёрзшей воды? – оскорбился демон. – Меня?!

– Будешь демоническим снеговиком! О, однажды я сражалась с таким...

– Ты явно переутомила, Мудрица, – фыркнул мужчина и обратился к юношам на местном языке: – Простите нас за смех. Радоваться нечему, это от усталости. Мы почти ушли за грань, добираясь сюда...

– Я понимаю, – кивнул Каил. – Сперва вам нужно отдохнуть. А уж потом выйдем, – он вздохнул. – Вольга Ветер сильная. Возможно, она и сама справится... Но спать я советую вам у этого костра, – он, наконец, посмотрел на Дженну. Взгляд у него был тяжёлый, задумчивый. – Ты красивая... И ты тоже в опасности.

– О, обожаю, когда так происходит... – проговорила девушка очень тихо, чтобы услышал только Дэзерг.

– Как? – нахмурился демон, подозревая неладное. – Как происходит? Что ты намерена делать?

– А ничего я не намерена делать, – ответила Дженна. – Это же приключения для ленивых.

– Будешь ловить на живца, – догадался мужчина. – Не боишься? Вдруг дух лишит тебя памяти?

– Ах, если бы что-то в этих мирах обладало такой силой... – невесело ухмыльнулась девушка.

На некоторое время воцарилось напряжённое молчание. Казалось, затихли даже негромкие разговоры салжусцев. Сам воздух точно сковало льдом.

Произнеся эти слова, Дженна оступилась и зависла одной ногой над некой пропастью внутри себя. По её вине Катан попал в заточение, откуда нет пути назад. Если Сайрон погиб, ей придётся убить и Сола. Дэрея Сола, который был в её юношеском представлении самым светом и добром... Который создавал такую прекрасную музыку и исцелял недуги.

«Как он мог? – снова воскликнуло что-то внутри девушки. – За что, Сол?!»

...А что если бы она могла начать всё с чистого листа? Забыть о хранителях и о своей силе. Дженна могла бы поселиться в пуще Похонбесара, построить дом под сенью мохнатых елей, охотиться, собирать травы, грибы, ягоды. Жить, как жила травница Айла в своём Чёрном лесу. Здесь никто не знает глупую несчастную Дженну, никто не сможет пробудить её память, кроме, пожалуй...

– ...А если Луна – не та, кем кажется, и приведёт тебя не к той пещере? – перебил её размышления демон.

– Чутьё подсказывает, что мы вышли на нужный след, – устало вздохнула чародейка. Она обхватила себя руками, поёжилась. Отчего-то пламя костра больше не согревало её, словно холод струился изнутри, из самого сердца. – Я боюсь только, что окажусь недостаточно хороша для этой Луны...

– О, ну за это не беспокойся, – мягко произнёс Дэзерт, приобняв девушку. – По мне – так ты самая красивая в этом мире, королева-воительница.

– О, ты вспомнил прежние времена, Ваше Великолепие, – снисходительно улыбнулась Дженна, но противиться его нежности не стала.

– Давай-ка, обопришь о моё плечо и поспи немного... – кивнул демон. – А потом мы во всём разберёмся.

– Как и всегда, – зевнула чародейка, прижимаясь к мужчине и прикрывая глаза.

– Как и всегда, – повторил Дэзерт.

Дженна спала, а бывший император сторожил её сон и размышлял о чём-то своём.

В это время хозяйки, разносившие суп, сели вместе с охотниками. А одна из пожилых женщин с серебряными косами, взяв в руки большой расчерченный рисунками бубен, приблизилась к костру и ударила колотушкой по натянутой коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.